

Эд Раджкович

Босиком
до неба

Роман-трилогия

Эд Раджкович

Босиком до неба. Роман-трилогия

«Издательские решения»

Раджкович Э.

Босиком до неба. Роман-трилогия / Э. Раджкович —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741985-1

Вторая книга трилогии «Босиком до небес». Мурад оказывается между жизнью и смертью. Судьба благоволит ему. Силы добра в лице врачей спасают его. Он возвращается в родное селение. На Западе большой страны живёт девушка Мария. Мурад и Мария — люди из совершенно разных миров, которые идут по своим дорогам судьбы. Вероятность их встречи мала, но произойдёт ряд событий, и они увидят друг друга. Им предстоит пройти череду испытаний.

ISBN 978-5-44-741985-1

© Раджкович Э.
© Издательские решения

Содержание

Отзывы на книгу	6
Глава I	7
Дух становления	7
Глава II	13
Марийка	13
Село, в котором стоит дом Константина	14
Дорога во Львов	16
Марийка, 14 лет	25
Рассказ отца	27
Время взрослеть	27
Ленинград, 1957 год	29
Возвращение из Ленинграда домой, Марии 20 лет	31
– Архангельск – всё аккумулируется в этом слове, туда и отправлюсь, – решила Мария	33
Глава III	34
Мурад вернулся к жизни	34
Душа и тело	36
Мурад уверовал	39
Познание духа	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Босиком до неба

Роман-трилогия

Эд Раджкович

Редактор Э. Гума

Редактор О. Виола

Редактор Э. Раджкович

© Эд Раджкович, 2018

ISBN 978-5-4474-1985-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отзывы на книгу

Порой бывает, что родные нам люди становятся чужими, а чужие – самыми близкими. Связь кровными узами не говорит о родственности душ.

В этой книге очень ярко обозначены вопросы семейного счастья и родственных связей. Без поддержки и подсказок близких в жизни все трудности приходится преодолевать в одиночку. Как относится к тебе человек, можно узнать по его поступкам. Иногда, тот кто тебя любит, может быть строг к тебе, но он никогда не даст тебя в обиду другим. Соприкосновение сердец и поиск истины – это те две замочные скважины, к которым ищешь ключи в книге. Желание понять и прочувствовать душевное состояние каждого героя велико. Автор во многом помогает читателю, давая возможность «слышать» мысли героев. Оголяя переживания своих персонажей, думаю, Эд Раджкович сможет прикоснуться к сердцу каждого из наблюдателей событий второй книги. Ну и конечно же, с нетерпением жду завершающих страниц такой жизненной, такой непридуманной истории.

Отзыв Мили на 2-ю книгу «Босиком до небес» – студентки из города Уфы».

Для меня суть книги сконцентрировалась именно в сцене в клинике, где они пришли навестить отца: стоит вся полная семья главного героя – это ВЗРЫВ: взрыв эмоций, понятий любви, семьи, верности, преданности, смиренности, незащитности. Наконец-то сбылась мечта босоногого мальчишки, да и не только его, все люди мечтают иметь свои семьи, где они могут быть окутаны в домашнее тепло, окунуться в энергию добра, любви и заботы, где они без боязни могут доверять друг другу. Но, увы, не у всех это получается.

Хочется прочитать и третью книгу, чтобы узнать, как же главный герой смог прожить свою жизнь и каким же будет он отцом для своих детей. Очень интересно, да и актуально в наше время, ведь очень много семей, где имеется только один родитель.

Желаю автору удачи в писательской деятельности. Все вопросы и темы, поднимаемые им в книгах очень живые, жизненные, остроактуальные и соответствующие моменту.

Читательница из Нового Уренгоя, 45 лет

Глава I

Дух становления

В светлой комнате, в центре, стояла кровать со специальными приспособлениями. Вся конструкция этой кровати предназначалась для больных людей, утративших временную или на длительный период способность заботиться о себе. К несчастью, на этом самом месте оказался тяжело больной и, к счастью, для него, именно находясь в этой палате, он оставался жив. Приглушённый свет исходил из специально оборудованного светильника. Медсестра Светлана сняла повязки, пропитанные кровью и растворами. После этого аккуратно обмыла тёплой водой тело пациента. Аккуратно, умелыми движениями наложила назначенные мази и перебинтовала мускулистый корпус молодого человека. При каждом вдохе-выдохе бугристые кубики его пресса приходили в ритмичное движение. Светлана нежно смотрела на своего подопечного, с улыбкой разговаривала с ним и всегда радовалась его непрерывному дыханию.

Закрепили именно её к этому пациенту. Она была на хорошем счету в отделении реанимации научно-исследовательского центра в Подмоскowie. После института по распределению попала в этот центр. Все однокурсники были направлены по вакансиям, заранее согласованным с распределительной комиссией. Света была сирота. Училась хорошо, а пошла работать туда, куда направили. Пугали, что это место глушь, а оказалось очень развитым учреждением с новейшими технологиями. Поселили её тут же, на территории центра в комнате для персонала. Работой она дорожила и надеялась на карьерный рост в перспективе. Когда ей предложили заняться индивидуальным присмотром за поступившим в клинику, она согласилась и приготовилась к трудным будням. Сюда часто привозят пожилых заслуженных деятелей с известным в прошлом героизмом. Либо важные персоны, которые не любят огласки, но оказались в затруднительном положении из-за проблем со здоровьем. К удивлению Светланы, пациент оказался красивым молодым человеком. После большой потери крови, он впал в кому, и был подключён к аппаратуре поддерживающей его жизнедеятельность. Уже на следующий день она приноровилась к графику по уходу за пациентом и не испытывала особых трудностей. Врач проинструктировал её, что больной тяжёлый и спасти его жизнь – дело принципа.

Мы не нуждаемся в рекламе, но ты должна понимать, что к нам поступают уважаемые люди и помочь им – дело нашей чести.

После порции назиданий Светлана с ещё большим энтузиазмом выполняла свою работу. Карточки на этого больного не было. Возраст вразы отличался от завсегдатаев этих палат. За прошедшие сутки она сделала вывод, что ей повезло с подопечным, т. к. он был без сознания и претензий не высказывал. Одно обстоятельство пугало медсестру, иногда при перевязке ей казалось, что он дышит полной грудью, самостоятельно контролируя все процессы. Ей даже казалось, что он смотрит за её действиями, сказать о своих домыслах было некому. Её сочли бы некомпетентной, а этого больше всего боялась радеющая о работе девушка из провинциального городка.

– Пульс прощупывается, значит жив, – сказал Глеб Прокопович, главный врач отделения, после осмотра утром на следующий день. – Зрачки не реагируют, значит кома, будем надеяться кратковременная. Хорошо, что наш центр обеспечен всем оборудованием для экстренной помощи. С такой потерей крови вернуть обратно удаётся не часто, но наш герой выкарабкается, – закончил врач консультативную речь после первых наблюдений.

Этого больного держали в отдельной палате в конце коридора. Никто не называл его имени. Света удивлялась данному обстоятельству, но задавать вопросы боялась. Здесь персонал дорожил своей работой, и любой прецедент мог служить сиюминутным увольнением. Сме-

нила бельё, хорошенько укутала своего больного. После проверила всё подключённое оборудование, заменила бутылку с препаратом на капельнице, приоткрыла вентиляцию и улеглась на кушетку. Тут же в палате закрыла глаза и уснула от усталости почти сразу. Во сне ей казалось, что кто-то будит её или что-то говорит. Открывала глаза – всё спокойно, и только неподвижный больной находился здесь.

– Странно действует на меня атмосфера палаты, – думала про себя девушка, снова засыпая на непродолжительное время. Её что-то выталкивало из сна и именно в то время, когда необходимо было сменить бутылку на капельнице.

Мурад пытался говорить. Свой голос он не слышал. Глаза его были открыты, и видеть довелось совершенно удивительные вещи. Какая-то незнакомая девушка раздевала его, мыла и много разговаривала с ним. Он пытался возразить, но она продолжала вести себя вызывающе. Это было пределом вседозволенности. Она его тело трогала за все места, и он позволял ей это. Несколько раз Мурад пытался кричать в гневе на эту незнакомку. Голос был беззвучен. Отчего-то он не слышал своего голоса, и эта молодая особа никак не реагировала на его усилия. Спокойно продолжала ворочать его тело как бревно. В вены были вставлены какие-то иглы с отводными тонкими шлангами, и что самое возмутительное – это яркое освещение в комнате. Потолок, стены и даже наглухо зашторенные занавески – всё было белым. Свет растекался по всему пространству комнаты из яркого светильника, на который смотреть было невозможно. Ему казалось, что свет пронизывает всё его тело, которое совсем не слушалось. Очень хотелось закрыть глаза от яркого освещения, но рука не подчинялась желанию. Постепенно свечение становилось втягивающим, и воспротивиться этому было невозможно. Воля к сопротивлению отсутствовала, а на смену возмущениям пришло смирение. Душа испытывала невероятную лёгкость, чувство парения охватило всю материальную сущность всего организма. Сознание просветлилось. Наблюдать за действиями девушки было забавно. Она давила на грудь, прислонялась ухом к губам человека на кровати. Слезы текли по его щекам, и кажется, она совсем не обращала внимания на это. Однотонный звук разрезал воздух. Исходил этот тоскливый неорганичный тон из ящика, к которому вели все провода, соединённые с человеком внизу. Очень знаком этот чужак, вокруг которого бегают бледная девушка со слезами на глазах. Она нажала на кнопку экстренного вызова, и всё пространство комнаты заполнилось людьми в белых халатах. Один из них, в очках, усердствовал больше других, отдавая какие-то распоряжения, и все подчинялись ему.

– Что освободился наконец-то от бранных условностей бытия и покинул своё тело?

– Кто это говорит? Почему я не слышу слов, а точно знаю, что это слова адресованные мне.

– Потому что это общение без слов и заметь таковое гораздо удобнее в обиходе.

Голос был каким-то вкрадчиво дотошным. Мурад осмотрелся вокруг и увидел источник информации. Назвать человеком это было нельзя. Сквозь образ было видно насквозь, и кажется, это существо не ходит, а парит.

– Расслабься и прими всё, что случилось как должное, – успокаивающе проговорил парящий уникум, субстанция с холодной энергией.

Свет, который привёл в состояние невесомости, ушёл куда-то, в комнате стало обычно. И в этот момент Мурад узнал себя в кровати, окружённого людьми в белых халатах. Посмотрел на свои ноги, они были босыми. Тапочки стояли возле кровати, а он сам был в нескольких метрах в стороне и зависал в невесомости, наблюдая со стороны за происходящим.

– Тебя оставили здесь, значит твоя миссия ещё не окончена, – говорило существо.

– А почему ты здесь и тебя никто не видит кроме меня?

– И не увидят, потому что я субстанция без тела. Все думают, что сердечный приступ произошёл со мной. А на самом деле ведьма докторша отравила меня по просьбе своего любов-

ника. Я застрял в переходном мире. Для всех умер, но она знает, что я здесь и страшно боится этого. Доставлять ей беспокойства одно удовольствие.

После этой затейливой истории, ни на что не похожей из того, что слышать приходилось Мураду до сего времени, этот прозрачный образ исчез. Новые впечатления насторожили. Чувство безысходности нарастало. В смятении Мурад бросился к своему телу – желание жить было таким мощным, что вся его душа переливалась усиливающимися сгустками свечения. Вскоре всё исчезло и показалось причудой воображения.

– Его зрачки реагируют, Глеб Прокопович, пульс возобновился, – торжественно кричал ассистент врача.

– Поддерживайте состояние, введите ещё препарат, – командным голосом говорил Глеб Прокопович.

Он вышел из палаты и направился в умывальню. Обтёр вспотевший лоб и выдохнул, снимая накопившееся напряжение. Всхлипы доносились из-за стенки другого умывальника.

– Ну, хватит печалиться, Светлана, он жив и нуждается в твоей заботе как никогда.

– Правда? Я бегом к нему.

– Что, привыкла к своему подопечному?

– Очень, мне он видится хорошим человеком.

– Возможно, раз жизнь подарила ему ещё шанс.

Все из пребывающего в комнате персонала разошлись. Шумно обсуждали в коридоре свой успех и удивлялись живучести пациента. Света осталась одна.

– Больше меня не пугай, – прошептала на ухо она. И ей показалось, что лежащий на кровати ей моргнул одним глазом.

Мурад всё видел и слышал. Кажется, он начинал понимать неоднозначность своего положения. Воспоминание о лёгкости парения с чувством безграничной свободы перекрывало все остальные эмоции его сознания. Он ликовал. Познание большего, чем обыденная жизнь восторгала его. Мурад приложил все усилия своего восприятия, чтобы вновь испытать манящую лёгкость и свободу. Но все попытки были тщетны. Он понял, что тело не слушается его. Жив и при этом совсем беспомощен. Эта правда настоящей реальности ошеломила его. Утомив усилиями свою энергию, медленно текущую по кровеносным сосудам, он отключился и провалился в сон.

...Стук копыт раздавался эхом в его ушах. Всадник прищипывал коня, свита послушно ровными рядами следовала за ним. Гордо восседая на скакуне, всадник отличался дорогими одеждами. Доспехи пылали бликами, отражающими лучи солнца. Слева висел меч. Сбруя и седло коня были искусно отделаны. Вся одежда всадника была богата отделана нитями и золотыми клёпками. Конь был под стать важному седоку. Глаза этого человека горели азартным сиянием.

– Догоните этих дикарей, нерадивые воины, а ту юную особу смотрите не покалечьте, – повелительно приказал он своим слугам.

Два десятка воинов бросились догонять убегающих дикарей, которые стремились спрятаться за холмами.

Это был Мурад. Он точно знал всей душой, что это непременно он. Облик изначально вызвал отторжение: руки были в перчатках из тонкой кожи. На указательном пальце и мизинце было по одному перстню. На левой руке перстень горел бликами красного камня. На правой – зелёный изумруд красовался в оправе дорогого кольца. Всадник торжественно поглядывал за подчинёнными, которые настигали беглецов. Затем заскучал, потребовал себе кубок вина

и стал разглядывать перстень с магическим рубиновым свечением. Вёл он себя высокомерно, и каждый его жест или взгляд приводили в трепет свиту.

– Будут новые сильные работники на полях вблизи замка, – торжественно провозглашал он.

Связанных рабов вели на показ господину. Последней шла ладная девушка с длинными волосами.

– Этих запереть в подвалах замка, – указывал господин на восьмерых пленных, – а женщину – в обучение к Земфире.

– Всё выполним, – раболепно произнёс крупный слуга, боясь смотреть в глаза господину.

Гордо и величаво хозяин помчался на своём скакуне во весь опор. Три десятка воинов сопровождали его. День удался. Чувство превосходства над всем и всеми в своих землях наполняло, подпитывая гордыню господина. Мурад чувствовал перевоплощение своей сути. Явно это был он. Однако то, как были одеты воины и внешность рабов показывали, что время происходящего находится за много веков до наших дней. Мурад в своём перевоплощении чувствовал себя комфортно. Тело было полным жизненных сил... Стражи замка открыли ворота и склонились в поклоне, приветствуя своего господина. Стены были из камня и казались неприступными, возвышаясь над просторами окружающих земель. Возвращение господина встречали все жители города. возвышался замок обнесённый вокруг отдельной стеной. Поклоны сопровождали господина с воинами до стен замка. Тот мир был не для простолюдинов, и повелитель скрывался за воротами своей крепости. Его владения были самыми могущественными среди прочих в этих землях. Их войско многократно превосходило своим числом войска в других владениях по соседству. Мир был не рушим, скреплённый договором. Все делали подношения господину в знак признания его могущества. Никто и подумать не смел противиться воле этого повелителя. Все преклонялись к его ногам. Эти достижения могущества были добыты завоеваниями его отца. Всё, что ему нужно было – повзрослеть и вступить в права пользования властью. Отец погиб в кораблекрушении. Его наследник скрывал свою логическую боязнь и всячески избегал путешествий по глубокой воде. Этот повелитель на суше чувствовал себя безупречно. Жизнь вёл праздную и себе ни в чём не отказывал. Жена Земфира была первой красавицей. Но каждый раз появлялась соперница, когда повелитель уходил в многодневный поход за рабами. В наслаждениях проводил муж с новыми подругами дни напролёт. Всякий раз изобретательность Земфиры, приводила к том, что соперница попадала в немилость или погибала при загадочных обстоятельствах. За всеми многочисленными «тёмными историями» стояла именно она. Боялись Земфиру все, хотя поклоны делали в сторону господина.

Три дня длился пир. Поход был удачным. Сильные рабы – основа достояния тех времён. Музыка и возлияния виноградного вина утомили господина. Он помнил о молодой дикарке. Приказал привести её к себе в покои. Девушка была хороша. Её приодели и сделали причёску. Глаза её как озёра глубокие источали на него любопытство, скрывая в глубинах своих за томной пеленой нерастраченную страсть молодости. Господина никто не узнавал, он выглядел счастливым, и все вздохнули с облегчением. Следили за Земфирой, чтобы не загубила новую отдушину господина. Этот человек был очень жестоким. Всё, что было не по нраву – менял на свой лад. Казнить мог только за дерзкий взгляд в свою сторону. Поэтому после появления молодой красавицы все вздохнули с облегчением. Особенно ближайшие слуги старались содействовать всячески в том, чтобы чары дикарки имели силу воздействия на господина как можно дольше.

Мурад пробудился, и вернулся в реальное время. Он помнил все детали своего воплощения. Даже чувства, испытанные от горячих объятий девушки из далёких веков, были реально сохранены в его памяти. Никогда подобного испытывать не приходилось.

– Что же это получается, – думал он, – значит я жил, сам того не зная, много веков до этого времени. Эта мысль вызвала чувство

От обилия удовольствий и безграничной власти он приходил в упоение вседозволенности, но этот Мурад, настоящий, испытывал неприязнь к тому жестокому и безнравственному своему воплощению. Он вспомнил все детали этой жизни и того воплощения: какими разными представлялись две ипостаси двух жизней. Совсем точно, по ощущениям, помнил все эмоции и впечатления, все декорации... Даже, о чём он думал было в его возрождённых воспоминаниях. После спонтанно вспомнил детство, одиночество и отчаянные надежды на материнское тепло. Сколько превратностей судьбы пришлось пройти за свою недолгую жизнь.

Тот человек, господин, жил безумствуя от достатка и роскоши. И это голодное детство, запечатлённое в памяти Мурада на всю жизнь. Такие разные два воспоминания, но отчего же складывается впечатление, что это было именно с ним? Мурад сам удивился своим умозаключениям и испытал сильную жажду, как будто в том состоянии другого мира он действительнопил очень много вина совсем недавно.

Мурад позвал медсестру, и к его ожиданию она подошла.

– Чему удивляться, – думал он, – столько испытаний выпало за последнее время для моей психики, что трудно разобрать, где реальность, а где сон. Принесите воды, – и сам отчётливо услышал свой голос.

Светлана со счастливой улыбкой подала воды. Вкус был какой-то с оттенком хлора. За годы службы Мурад привык к такой воде, но в памяти отчётливо вспомнилась та, из родника в селении – прохладная и сытная вода, совсем не такая как эта.

– Сколько удивительного в мире есть, а совсем недавно даже не задумывался об этом.

– Скажите ещё что-нибудь? – заискивающе спросила девушка.

– Это ты значит, добрая, заботишься обо мне последнее время?

Убедившись в изменении самочувствия Мурада, она спешно убежала за пределы палаты. Через двадцать минут вернулась в сопровождении врача в белом халате и очках.

Кто это, Мурад знал.

– С возвращением в наш грешный мир, – проговорил тот приветливым голосом.

Глеб Прокопович попросил Светлану сходить в лабораторию, а сам начал беседу.

– Давайте сначала я Вас осмотрю, а после немного поговорим.

Несколько минут длилось исследование состояния Мурада. Эмоции на лице доктора приобретали озабоченный вид.

– Какой всё-таки Вы удивительный человек, – сказал серьёзно он, – выход из комы происходит уникальным образом. Тело не послушно, а речь и движения головы есть. У Вас возможен стресс из-за перегрузок психики, и новая адаптация может протекать непредсказуемо. Поэтому просто слушайте меня и берегите силы. После того как мы с Вами встретились во второй раз при негативных обстоятельствах и с Вами случилось это ранение, я беспокоился, что вы не выживите. Однако под воздействием вмешательства чудесной силы Вы здесь, и мы говорим с Вами, а точнее я говорю, а Вы – слушаете.

Глеб Прокопович кратко напомнил Мураду о том, что случилось. Сделал он это мудро, так, чтобы не задеть чувство вины в нём. Потом практично перевёл рассказ в настоящий момент.

– Я давно работаю в этом научно-исследовательском центре. После большой потери крови Вы должны были умереть. Во мне смешались две стихии: одна – долг врача и вторая – наказать Вас. То как мы с Вами познакомились – произвело на меня впечатление. За свою долгую жизнь я редко встречал бескорыстное благородство. Да-да, работая всю жизнь доктором, я мало видел настоящих поступков, которые по сиюминутному решению к действию могли так влиять на дальнейшее мировоззрение. Чтобы избежать участия милиции в этом деле, я вызвал машину скорой помощи из нашего центра и доставил Вас сюда. Пришлось объяснить, что Вы

родственник моего фронтового друга и зашли ко мне, истекая кровью. Так удалось избежать Вашего ареста. Вы бы погибли при любом другом сценарии. Тот человек сбежал, который был с Вами, и я всё взвесил, в том числе Вашу роль в этой сцене у меня дома. В общем, главное, что Вы живы, дальше будем действовать по обстоятельствам. Для любопытных Вы материал для диссертации – как уникальный случай.

Мурад дослушал не перебивая.

– Поступайте, как Вам велит Ваша совесть. Спасибо, Глеб Прокопович, Вам за помощь.

– Вот и сочлись, сейчас отдыхайте, – дружелюбно подвёл итог доктор, – Вам необходимо спокойствие, чтобы шансы на возвращение всех функций были использованы в дальнейшем. Со Светой говорите обо всём, кроме того, что произошло у меня в доме. Я кроме того что являюсь доктором наук, ещё и известный антиквар в определённых кругах. Мне было не трудно вычислить, кто был инициатором ограбления. Вы не попадаете в этот пасьянс. Вас использовали «вслепую». Можете себя не упрекать своими действиями. Вы спасли мне жизнь. Люди, которые за этим стоят, очень кровожадные и с возможностями. После этого случая я принял дополнительные меры предосторожности. Вот что еще добавлю, по загадочным обстоятельствам наши судьбы пересеклись. Ничего не бойтесь, Мурад, здесь я кое-что значу, и главное, чтобы Вы ходили по жизни с поднятой головой и в здравии.

От таких слов, Мураду пришло чувство облегчения. Он предвидел, что объяснение неизбежно, но что этот человек настолько правильный – он никак не ожидал.

Глава II

Марийка

Девочка двенадцати лет шла из школы...

– Слава Иисусу Христу, – поздоровалась соседка.

– Слава Богу навеки, – ответила Марийка. Прошла через ворота в ограду, окружающую сад возле дома.

Сам дом находился выше. Ровная площадка на пологом склоне горы служила местом, где её отец построил дом. Шла, поднимаясь между грядками, срывая на ходу зреющие красные ягоды садовой клубники. На окошках были задёрнуты занавески, но Марийка знала, что её видела мама через сеточную ткань. Она всегда смотрела так и, оставаясь незамеченным наблюдателем, всегда была готова встретить детей. Их было у Теодозии трое.

Девочка сорвала несколько ягод дикой сливы, алычи с разросшегося кустарника, который всё больше становился похожим на дерево. Ягоды были с золотистым окрасом и сладкие на вкус. Отец, которого звали Константином, оставил этот куст алычи по просьбе Марийки. Она была трёх лет от роду. Бегала всегда за отцом «по пятам», изучая своими детскими глазами то, как он управляет хозяйством. Крыжовник разросся ровными кустами с обилием ягод вдоль сетки, ограждающей пределы хозяйства от соседских земель. Грушевые и яблоневые деревья образовывали сад, занимая незасеянное пространство. Вблизи дома – вишни, своими рубиновыми плодами радовали глаз смотрящего. Сад был ухожен. Теодозия любила заниматься ежедневной работой на этой земле. Она давно просила мужа:

– Выруби этот кустарник, который забирает пространство для себя, заглушая рост других растений.

Кустик действительно разросся и превратился в куст высотой в несколько метров. Именно этим хозяин решил заняться. Взял топор и вилы, чтобы подцепить корневища и свалить разросшийся кустик. Затем растение обычно высыхало и пускалось на растопку печи. Всё в хозяйстве шло в пользу. Судьба этого растения повернулась иначе. Марийка наблюдала за действиями отца, и он обратил внимание на присутствие младшенькой дочки.

– Подходить сейчас близко не надо доченька, я буду рубить этот кустик, – обыденно проговорил указание Константин и остановился на взгляде дочери.

Глазки карие смотрели на него совсем не по-детски, действуя на отца, и он остановился. Казалось, Марийка смотрит прямо в душу.

– Папа, оставь это дерево, мне совсем не хочется, чтобы оно погибло.

– Рассадим другие плодовые растения, а этот куст мешает, – стал он уговаривать ребёнка.

– Оставь, буду сама ухаживать за ним, а вы с мамой заботьтесь о других деревьях, смотри – вон сколько их.

Против таких аргументов было трудно устоять. Отец оставил деревце. Марийка поливала и отсекала слабые веточки. Со временем кустарник сформировался в ухоженное мощное деревце. Справа от входа в дом именно этот кустик закрывал всё пространство от любопытных соседских глаз. Из своих окон соседи видели зелёный щит, закрывающий входную дверь дома Константина. В этот день, вернувшись из школы, Марийка своими ручками провела по листе дикой сливы и, как бы приветствуя, занялась «плановым осмотром» деревца. Всё выглядело как детская причуда, но родители заметили факт, что плодоносит алыча обильно. Ягоды были крупными и сочными чуть-чуть с кислинкой.

– Посмотри, как она заботится о своём деревце, – говорила Теодозия мужу.

У них одна дочка умерла. Годы были смутными, одна власть сменяла другую в этих землях вблизи польской границы. Интервенты подпитывались за счёт частных хозяйств, и от этого самим жителям этого села приходилось питаться в основном только картофелем в холодные месяцы. Именно в такое время у Константина с Теодозией родился первенец – дочь Мария. Здоровье оказалось у девочки слабым, и она в младенчестве умерла. Родились ещё дети. Затем родился третий ребёнок, после потери первенца для родителей четвёртый. От потери Марии они долго страдали. Бог дал ещё детей и самую младшую назвали новой Марийкой. Девочка росла бойкая и трудолюбивая, именно поэтому к Марийке было особое отношение родителей.

– Давай будем внимательней к младшей нашей. Смотри, обречённое растение, которое она спасла, расцвело во всю мощь. Иногда забываю, что это дикая слива случайно прижилась в нашем огороде. От её любви и заботы, всё к чему она прикасается, наливается жизненной энергией.

Константин молча слушал жену, которая была младше его на пятнадцать лет, но особое чутьё делало её мудрой.

Село, в котором стоит дом Константина

Начало XX века в этом районе мало отличалось от прежних времён. Польские князья, австрийские войска, германские отряды периодически проходили эти места. Пополняя провиантом свои обозы, завоеватели шли дальше по западу Украины. Львов от этого села находился примерно на расстоянии 250 километров. Получается и исторически сложилось, что Польша с её границами оказалась совсем рядом, в двух километрах. Каждый житель села с детства знал несколько языков: немецкий, польский, украинский и русский. Жители данной местности удивительным образом адаптировались к историческим катаклизмам. Постоянная борьба за владение этими плодородными районами и послужила основной причиной к тому, чтобы образовать это поселение. Все пути проходили по удобным тропам между холмистой местностью. Высота этих возвышенностей достигала своими перепадами в некоторых местах до нескольких сотен метров. Вершины и тенистые склоны были покрыты вековыми зарослями дикого леса. Лес не вырубался из-за сложности транспортировки. От близлежащего районного центра отходила неприметная дорога в заросший овраг между холмами. Через несколько километров дорога становилась просторной и ровной, потому что пролегла по возвышенности на одном из берегов речушки. Так и извивалась эта дорога, которую здесь называли польским словом – шлях. Речка в летние месяцы больше напоминала ручеёк с глубиной до метра. Только местные жители знали, что во время таяния весеннего снега и за счёт дождей река становилась полноводной, которую и вброд перейти в это время года нельзя. Поэтому дорога располагалась выше и никогда не затоплялась. Торговцы и чужаки в эти места не забредали, так как эта местность затерялась среди лесов предгорья. Уставшие от постоянного разорения своих хозяйств, крестьяне в далёкие времена основали это поселение. Стратегически решение оказалось верным, и жизнь протекала спокойно. Единственный недостаток – это удаление от другой жизни. Цивилизация развивалась в стороне, жители обеспечивали себя за счёт собственного урожая и скота. Первые поселенцы установили нерушимое правило: дом, прилегающие луга до речки и уходящие вверх к лесу принадлежали одному хозяину. Где заканчивалась ограда, там начинался надел соседа, а вся полоса снизу и до обозримого леса являлась собственностью одного дома. Все оставались довольны, так как хозяйства имели свои пределы. Основной ценностью было во все времена наличие рабочих рук. Чем больше семья, тем богаче дом!

Называли это село – Стороной, так оно называется и сейчас. Название полностью соответствует расположению населённого пункта. Дома выстроились по одному с каждой стороны речушки. Село удаляется на километры до глухой лесной полосы, упираясь в покатые предгорные холмы.

Дома, построенные из хорошего леса, стояли веками и были похожими друг на друга. Этим способом строения своих жилищ люди уравнивали своё положение относительно соседей. Один дом в просторном месте отличался от других. Был больше – находился у православной церкви. Купола своими бликами торжественно обозначали значение веры в Бога для жителей. Поп здесь назывался по-польски – Ксёндзом. Вся власть над волей и поведением жителей была сосредоточена в его руках. Эта устойчивость в отношении Ксёндза к другим селянам была заложена изначально. Крещение детей, венчание и благословения – исходили от Ксёндза. Непоколебимый авторитет этого лица остаётся на все времена. Духовное лицо наделялось властью пожизненно. Каждый двор уделял внимание, и приношения были постоянными. По хозяйству помогали все жители по очереди этому дому. Ксёндз имел жену и детей, держал скотину. У него было всё необходимое для жизнедеятельности. Стены церкви были из кирпича и возвышались высоко над домами. Колокольный звон призывал к службе, и все от мала до велика приходили в стены церкви. Все советы давал, и спорные вопросы разрешал непосредственно Ксёндз.

Чуть выше и вправо от церкви находилось кладбище, где после смерти жители обретали своё прибежище на территории захоронений. Неправильный поступок при жизни, который нарушал каноны, сказывался после смерти на всех родственниках усопшего. От этого зависимость от мнения Ксёндза была очень высока. Другой власти нет.

Полиция находилась в райцентре, и обустройство села являлось уникальным на все времена. Есть одно «но» в этом положении вещей. На самой окраине Стороны находится ещё одно высокое строение – деревянная церковь с другой конфигурацией, чем православная – это греко-католическая церковь. Она была менее посещаемой, но имела также распространение своего влияния на мировоззрение жителей. Есть случаи, что два брата в одной семье расходятся во мнениях по религиозным соображениям. У католиков индульгенция решает все проблемы в разрешении прощения грехов. В православном понимании всё сложнее: дать прощение невозможно по некоторым критериям. Противостояние религиозных направлений приводило к тому, что братья теряли настоящую родственную близость и уходили в полную зависимость от того прихода, к которому они склонились. Всё это усиливало влияние на внутреннюю политику и восприятие мира всеми. Вольнодумцев быстро усмиряли и делали изгоями, что непосредственно отражалось на родственниках. По сути, вся жизнь текла по «замкнутому кругу». Ежедневный труд на своей земле, молитвы, подавания духовному лицу и поклонение его статусу. Нерушимый порядок сделал подконтрольными все мысли и чувства жителей. Жизнь стала степенной и текла по своему руслу. Мнения соседей – основные факторы, которые влияли на репутацию каждого дома.

В этом месте родился Константин. Грамоте он был необучен. Знание языков появлялось с детства у всех, потому что рассказы старших и применение в обиходе немецкой, польской, украинской речи, а в последствии и русского языка делали всех жителей по своему обыкновению настоящими полиглотами. Сама жизнь, окольцованная обособленным миром, показывала существование других народов и культур только из рассказов взрослых.

Константин вырос высоким и плечистым молодым человеком. Помогал родителям, которые благодарили Бога за такого сына. Семьи были многодетными в этом селе, из-за влияния религии все смертельно боялись совершать грехи. Мечты Константина соответствовали мечтам верующего мужчины этого возраста. Рано женился, родилась у них с женой дочь. Всё шло последовательно и предсказуемо. Он самый старший из своей семьи, являлся примером для всех младших детей. Ничто не могло нарушить его устремлений обрабатывать свою землю и завести как можно больше наследников. Однако пути Господни неисповедимы! Отец весной взял его с собой во Львов повидаться с родственниками и прикупить необходимые вещи для хозяйства. Сын обрадовался этому, появлялась возможность привезти ткани для шитья пла-

тьев жене и подрастающей доченьке. Главное, что встрепенуло душу Константина это то, что он увидит город, где никогда не бывал.

Дорога во Львов

Вышли Константин со своим отцом рано утром. Взяли с собой еды и воды в дорогу. За спиной весь этот нехитрый запас нёс Константин в мешке на веревке, образующей лямки. Коня в хозяйствах отца и Константина не было. Когда вспахивали свои поля, тогда они обращались к соседу зажиточному по их меркам хозяину. За услуги расплачивались зерном и картофелем. Получая такую плату, сосед увеличивал своё состояние. Поэтому отправились в райцентр по дороге из села пешком на своих двоих. Несколько десятков километров преодолели до полудня. Дорога была накатанной и твёрдой. Отец рассказывал по пути разные истории из своей жизни: о том, как сватался к матери Константина и многое другое про былые дни. Сын увидел в диалоге с отцом присутствие новых интонаций: дорога их «уравнивала».

– Ты увидишь скоро большой город, а по пути несколько районных центров, и вскоре поймёшь, что наша жизнь в селении лучше, потому что нет искушений для души.

Районный центр называется Подбуж – это значит «под Богом».

– В этом месте пересечение нескольких дорог, и люди больше знают о других странах, – говорил отец. – Мы тебя и других детей никогда сюда не приводили, потому что хотим вам спокойной жизни. Со временем я принял решение, тебя как старшего после меня познакомить с другой жизнью, городской, и показать родственников, живущих во Львове.

Константина всё больше увлекало это мероприятие. Множество домов, скопление людей и организация жизни, даже здесь, в Подбуже, значительно отличалась от сельской. Впечатления не заставили себя долго ждать, Константин с увлечением рассматривал то, как одеты поляки и на их повозки. Дальше направились в упряжке из двух лошадей на телеге вместе с семьёй польских крестьян. Отец легко говорил на их наречии и договорился. Люди они были приветливые и направлялись во Львов. Ехали в тесноте. Константин оказался рядом с молодой полячкой, которая была дочкой пожилого поляка, управляющего лошадьми. Отец сидел рядом с хозяином телеги, и они часами разговаривали о планах на жизнь. По всему было видно, что общение их занимает. Константину надоело смотреть на окрестности вблизи дороги, и он всё чаще встречался глазами с девушкой. Её улыбочка и взгляд искоса пробуждали воображения неискущённого селянина. Девушка хрустела яблоком, одно из наполненной доверху корзины протянула Константину. Он принял угощение, их глаза встретились. Константин утонул в зелёной глубине красивых глаз с подчёркивающими их великолепие бровями. Вспомнилась история из писания библейского про Адама и Еву. С трудом собрав свои эмоции в порядок, Константин подумал о жене и дочери. Это ему удалось, но когда заговаривала с ним полячка, он приветливо поддерживал общение. Впервые с ним рядом находилась молодая девушка с непокрытой головой. Волосы её были распущены и создавали интимный намёк. В селе строго соблюдали обычай: у всех особ женского рода головы должны быть покрыты платками в церкви и на улице. Полячка всё больше привлекала Константина. Она назвала своё имя – Стевка.

То, что девушка сама идёт на общение с ним без участия отца, для Константина было новым. Вообще она легко и непринуждённо вела себя в общении. Говорила, что он какой-то скованный и зажатый весь. Константин, человек женатый, с высоким ростом от природы, действительно стеснялся спутницу. На ухабах, когда подпрыгивало колесо телеги, она хватала руку Константина, чтобы он придержал её. Отцы с прищуром изредка посматривали на них, ничего не говоря. Они с увлечением разговаривали на свои темы, мало обращая внимания на Стевку и Константина.

– У тебя большие и крепкие руки, – говорила она.

– Много труда они знают, от того и крепкие, – просто объяснял Константин.

Но не уловить заигрывания Стевки было невозможно. Константин всё больше оказывался в плену её обаяния. Он терялся и не знал, куда себя деть. В пути находились несколько дней. Девушка рассказывала про Польшу и всякий раз, когда готовила еду, звала Константина помочь развести огонь или нарубить мяса от куска подсоленной телятины, которую поляки везли с собой. Находясь вблизи с ней, Константин замирал. Сердце начинало биться в диком необузданном ритме. Сама девушка при этом оставалась спокойной, иногда касаясь нежно его руки, продолжала вести себя обыденно. Константин испытывал охватившее его волнение... Уверенность и связь с реальностью вернулись к нему только после того, когда отец подмигнул ему и намёком показал, чтобы он поухаживал за Стевкой. Её отец не показывал никаких беспокойств по поводу общения Константина с его дочерью. Была произнесена такая фраза поляком:

– Молодые люди не должны себя сдерживать в любви.

Ее взгляды проникали в самую душу Константина. Расположились на ночлег у реки. Место замечательное, рядом имелся небольшой лесок, где можно собрать дрова. Начинало темнеть, и молодёжь отправили заготовить дров на поддержание костра в течение ночи. Пока отцы разбирали тюфяки для ночлега и оборудовали кострище для приготовления еды, Константин, взяв топор, вместе со Стевкой направился в лес по дрова. Ловкими ударами он быстро нарубил большую вязанку хвороста и несколько толстых стволов для долгого горения. Перевязал хворост, чтобы удобно было ей нести, а сам приготовился взвалить два бревна на свои крепкие плечи. Тёплая ручка обвила его за шею, и шёпот остановил ход его мыслей.

– Зачем торопишься, пан, ещё совсем не стемнело.

Её губы тёплым мягким поцелуем заполнили его сознание, и он устремился в ответном порыве на «этот шаг девушки». Страсть захватила два молодых сердца, и чувства перемешались в одном потоке.

– Как всё произошло? – голова Константина отказывалась соображать.

Умение и инициатива в любви, исходящие от полячки, поражали все прежние представления этого женатого человека о любви. Стевка продолжительным поцелуем придала новый импульс порывам, но затем, спокойно отдышавшись, сказала ласково:

– Видишь, как бывает хорошо, а теперь вернёмся. Мы по делу отлучались, неси свои брёвна, а я вязанку хвороста, – говоря эту тираду, она постепенно входила в образ невозмутимой обременённой обязанностями по хозяйской части девушкой.

Отправилась к огоньку костерка, не дожидаясь Константина.

– Где там сын мой? – искоса весело поглядывая, поинтересовался отец Константина.

– Сейчас придёт, взвалил на себя ношу и от того тащится не спеша, – отстранённо проговорила Стевка. Сама тут же занялась стряпнёй ужина и вся ушла в этот процесс.

Сумрачное небо скрывало её румянец, вызванный любовной страстью. Подошёл к стожанке Константин с двумя крупными сухими стволами дерева. Сбросил на землю и начал, умело орудуя топором, рубить их на ровные поленья. Когда закончил свою работу, пот пропитал его рубаху.

– Дочь, полей воды гарному хлопцу, – с приказной интонацией сказал отец полячки.

Девушка из ковша поливала на руки Константину прохладную воду. Затем протянула полотенце, и их пальцы приветливо прикоснулись на мгновение, вернув их к приятным воспоминаниям. Константин, поужинав со всеми вместе, направился на свой тюфяк. Мысли скопом пролетали в голове о тайной связи с этой польской девушкой. Беспокойств никаких не было, и угрызений совести он не испытал.

– Жизнь – чудесная вещь, – подумал он, проваливаясь в сон.

Следующий день повозка двигалась значительно быстрее. Дорога стала более широкой, уложенной, местами ровными, отшлифованными временем камнями. После кратковремен-

ного отдыха решили продолжить путь по освещаемой лунным светом ночной дороге. Утром следующего дня подъехали к пригороду Львова.

Львов притягивал взгляд Константина. Он с жадной осматривал всё новое, обращал внимание на причудливые скульптуры и памятники. Каменные дома, мощённые улицы – всё приводило в восторг. На рыночной площади пришлось проститься с поляками, которые так любезно посодествовали им. Отец дружелюбно пожал поляку руку в знак признательности. Стивка сказала Константину:

– Приезжай к нам в Краков. Мир большой, не торопись к себе в село обратно, есть много удивительного в этой жизни.

Её слова вызвали волну приветственных эмоций всего восприятия. Дальше шли по улицам, которые петляли в центре города. Это напоминало «лабиринт» среди каменных застроек.

– Многое изменилось с того момента, когда я был здесь в последний раз. Тогда мне было столько же лет, как и тебе, сын.

Отец говорил эти слова с таким упоением о том времени, что Константин проникся ко всему происходящему вокруг, с великой тягой познавать новые горизонты. Село виделось как затерянный мир среди просторов земли.

Добрались пешком до вокзальной площади, и отец сказал, что он очень хочет увидеть паровоз. Вокзал кипел своей жизнью. Вышли на перрон, и тут Константин увидел вереницу вагонов с паровозом впереди состава. Счастливые лица пассажиров отображали их ожидания в предвкушении поездки. Поезд отправлялся в Польшу до Варшавы. Отец также как и Константин видел впервые это достижение человеческой мысли. Они стояли у вагона под номером пять, и мимо них проходили строем несколько десятков торжествующей походкой людей в эполетах и с киверами на голове. Все отличались статью и значимостью среди другого народа. Каждый имел саблю и рюкзак за плечами.

– Кто эти люди? Они отличаются от всех, кого я видел доньше, – с большой заинтересованностью спросил у отца Константин.

Отец не знал, что ответить. Рядом стоящий мужчина в пальто и шляпе по-польски сказал, что это элитное подразделение гусарского полка. Наёмники, которые отправляются на Балканы. Где это находится, Константин не имел ни какого представления, но необычайное приятие в душе согревало его. Он смотрел на этих вооружённых и одетых в мундиры людей, представляя себя в их ряду. Странно для него было то, что всё представилось ему доступным и ощущение себя в этих одеждах стало каким-то естественно понятным. Он мысленно шёл в вагон вместе с этими бравыми солдатами, пока отец не вернул его в реальность.

– О чём ты думаешь? Нам давно пора идти, а ты как «вкопанный» стоишь здесь и совсем не слышишь меня.

– Прости, отец, задумался немного.

– Ну, сын, нам пора к моему троюродному брату. Кстати, мы с ним когда-то мечтали воевать в Европе, а потом завели себе жён и детей. Сейчас вспомнились мне давние мечты. Это всё дни минувшие, некогда нам отвлекаться.

Дом, где жил родственник, находился неподалёку от вокзала. Трёхэтажное здание с двумя входами – это и был нужный дом. Дверь отворил молодой человек, примерно одного возраста с Константином. После того как разобрались, что все родственники, он пожал руку Константину своей крепкой ладонью. В квартире было пять комнат и кухня. Особенно Константина тянуло на балкон. С третьего этажа открывался вид на площадь и переулки города. Пока накрывали на стол, Константин провёл час, наблюдая с высоты за суетливой жизнью дневного Львова.

– Перед отправлением поезда в Польшу всегда такое оживление, – сказал родственник Иосиф. – Я такой же как и ты наблюдатель. Нравится смотреть на то, как люди отправляются в другие страны. Когда-нибудь я тоже буду за границей.

Мысли этих молодых людей совпадали....

– С тобой легко общаться родственник, – сказал Иосиф. – Здешние горожане какие-то опустошённые, только торговля их интересует, а ты открытый и жизнерадостный человек.

Константин ничего не ответил, сверхсила тянула его за горизонты обыденной жизни.

Застолье было весёлым. Много пили. Самогон отменного качества употребляли бутылку за бутылкой. Пришли ещё родственники. Обилие закуски не давало охмелеть родственному кругу. Женщины пили вино, а мужчины оживлённо разговаривали, вспоминая года былой молодости. Запели народные песни присоединившиеся соседи к общему празднику. Несколько часов сопровождалось воспоминаниями старших. Иосиф с Константином поддерживали каждый тост и из уважения к родителям вели себя сдержанно за столом. Изрядно охмелев, отец Иосифа с недовольством произнёс:

– Хочу тебе поведать одну причуду моего сына. Он надумал в гусары податься. У нас в городе идёт набор в полк: гусары для отправки на Балканы, в Черногорию и Сербию. Вот мой Иосиф и стремится в этот полк. Совсем забыл, что возвращаются немногие оттуда.

Иосиф, также изрядно выпивший, не сдержался и предал огласке их спор с отцом:

– А кто вернулся, разве не рады их отцы? И каждый построил себе новый дом. А я когда накоплю на свой дом одному Богу известно.

Константину стало немного неуютно от пререканий родственников. Он боялся даже подумать, чтобы перечить своему отцу. А тут назрело противостояние мнений, и Константин, сам полностью не осознавая, вступил в полемику.

– А кто эти гусары?

– Те, кого мы видели с тобой на вокзале в мундирах и при оружии. Это и есть те самые гусары.

– Я бы тоже хотел отправиться с этими людьми за границу, – произнёс Константин.

Общее настроение изменилось, и хозяин дома посуровел в лице. А Иосиф, наоборот, оживился и стал много говорить на эту тему.

– Ты, Константин, из глухого села и вне политики. Такие люди на «вес золота». Тебя сразу возьмут в полк. У тебя одна цель – заработать денег и всё. Мне сложнее. Я имею образование, таких как я, сначала проверяют на пригодность к такой службе. Гусары, элитные войска из наёмников, и воюют во всех странах, где военные конфликты.

Иосиф говорил со знанием этого вопроса, и произвести впечатление ни на кого не пытался, зная отношение своего отца к этому. Но произошло обратное, тема разговора нашла своё развитие. Константин заинтересованно говорил:

– А я попробую поступить в этот полк, во что бы то ни стало.

Иосиф уважительно смотрел на единомышленника. А вот отец Константина среагировал мгновенно.

– Ты что тут своей соображалкой надумал? Забыл про жену и дочь? Кто их будет кормить и с хозяйством управляться?

Фраза была сказана в гневном пылу, и праздник начинал тускнеть в общем настроении. Женщины все запели известную народную песню о любви и тем самым отвлекли мужчин от щепетильной темы.

Утром, выспавшись, все вновь продолжили застолье. Прежнее радушие улетучилось, и каждый думал о своём. Женщины подали гуся на стол и затянули задушевную...

– Мы завтра ходим с Константином в торговые ряды, а после придём с вами попрощаться. Пора домой, хозяйство требует внимания.

– Да, в селе иная жизнь, понимаю тебя, родственник, но зато какая природа у вас отличная, а воздух чистый и всегда утренняя свежесть меня удивляла в ваших местах.

– Приезжай в гости, ходим на охоту, гостинцев с огорода привезёшь от нас, – приветливо говорил отец Константина.

– Да, года идут, и меня всё больше тянет к земле. Приеду непременно.

– Константин, сегодня мы пойдём на ознакомление с городом. Ты первый раз у нас во Львове, и не по-человечески тебе не показать здешние достопримечательности.

– Хорошо, Иосиф, я рад этой возможности посмотреть город.

Через час ребята шли по знакомым с детства закоулкам для Иосифа. Он завёл их в бар. Трактир в центре города. У входа играл скрипач, и Иосиф бросил монету в его открытый футляр от скрипки.

– Каждый зарабатывает, как может, – произнёс Иосиф.

Зашли внутрь, оба зала были полны посетителями. Иосиф встретил своих знакомых, и они пригласили к себе за стол. Пили пиво и весело общались. Один из друзей был по имени Николай. Из разговора Константин понял, что он воевал в Сербии. Константин слушал все детали рассказов Николая.

– Мы тоже собираемся в полк поступить, – в шуточной форме говорил Иосиф.

– Самое время, были большие потери состава на Балканах, и сейчас идёт набор. Через месяц обучения отправка в Сербию, а может даже в Венгрию.

Потом гуляли по городу. В парке познакомились с молодыми студентками университета. Вечер был весёлым и запоминающимся. Константин сказал Иосифу, когда они подходили к дому:

– Я точно решил, хочу в гусары.

– Вот вместе и пойдём на сбор, где вербуют. Родителям я скажу сам, чтобы от тебя отвести гнев, будто это я надумил идти со мной в наёмники, чтобы одному не отправляться за границу. Может, пойдут на встречу, я приведу им все аргументы в пользу нашего решения.

Константин светился от возможности реализовать вдруг появившуюся мечту.

На следующий день после посещения с отцом торговой площади, Константин услышал неожиданные для себя слова:

– Давай присядем в парке на скамейке, где нам никто не помешает, я хочу тебе высказать созревшие для тебя слова. Костюша, у меня были в твоём возрасте мечты, которые я не реализовал, – отец замолчал, что-то обдумывая. Так не обращался он к сыну многие годы, и Константин знал, что это знак его расположения к сыну. – Желания мои были поехать по свету, узнать другие страны, достичь чего-то большего, чем сейчас я имею. Когда ты вырос, я порадовался, что ты женился и ведёшь самостоятельно хозяйство, но после вчерашнего разговора я понял – тебя нельзя останавливать, если ты хочешь изменить свою жизнь. Ходишь в лаптях и ничуть этого не смущаешься – это достойно. Но ты можешь сменить лапти на сапоги из кожи, научиться воевать. Узнаешь, как живут народы в других странах. Дома в селе упорядоченная жизнь. Все живут меркантильными интересами и зависят от воли Ксёндза. Образования ты не получил, потому что у нас отсутствовали возможности. Когда-то я упустил свой шанс и не пытался после менять ничего, об этом сожалел не раз. Мне рассказать вам нечего и советовать могу только то, что касается жизни в Стороне. Когда увидел вчера в твоих глазах огонёк воодушевления, я сначала возмущился, а сейчас скажу следующее: ты всегда останешься моим сыном. Если хочешь – то попробуй свои мечты воплотить. Твоя жена с ребёнком никуда не денутся. Сама обрабатывать будет поле, пока ты отсутствуешь. Всем скажу, что ты завербовался по найму для того, чтобы заработать денег на своих коней. Родственнику скажу, чтобы тебе предоставили кров в их доме на сколько потребуется, а мы отблагодарим их дарами с наших полей. Скажу честно тебе, Иосиф рассказал нам вчера вечером ваше решение, и, всё обдумав, говорю тебе эти слова. Я завтра уеду, а ты оставайся или отправляйся со мной. Выбор делай сам.

От таких высказываний отца, Константин пребывал в безграничном уважении к этому человеку. Подобными словами самый дорогой человек благословил и исповедовался одновременно. Отношения «отец-сын» перешли на новую стадию «дружеское понимание».

Константин остался во Львове. Отец, уезжая, сказал несколько слов.

– За жену и дочь беспокоиться не нужно, мы сможем им помогать. Земля в селении остаётся пожизненно за хозяином. Когда вернёшься домой – всё останется как прежде.

Тепло простились. Константин чувствовал, что родительское беспокойство одолевает отца, но его устремления были направлены в сторону предстоящих походов и приключений. Вместе с Иосифом их приняли в гусарский полк. Обучение навыкам военного дела затянулось на полгода. За это время родственники подружились ещё крепче, и одна общая цель занимала их больше всего на свете. Константин хорошо узнал жизнь города Львова, стал понимать устройство городской жизни. Завёл новых друзей, и всё происходящее с ним совершенно отличалось от прежнего образа жизни.

Настал день отъезда в Европу. Многие говорили разные версии, куда их направят. Однако специфика наёмников значительно отличалась от обычной армии. Константин далеко не заглядывал и жил настоящим временем. Освоил навыки владения всеми видами оружия и конного мастерства. Стал отличником по всем дисциплинам и был отмечен инструкторами, как перспективный воин. Перед отъездом отправил домой письмо. Преимущества от занятий в центре подготовки на сборном пункте новобранцев полка было ещё в том, что он научился грамоте и письменности на немецком и русском. Домой писал на украинском языке, так как родители не знали другого понимания письма. Перемены были очевидными во всём... Константин стал уверенным и целеустремлённым в достижении своих планов зарабатывать. В день отправления поезда никто из командиров не говорил место назначения по их прибытию. Новобранцы понимали, что участие в сражениях на территории других стран предстоит им в условиях секретности. Безопасность и успехи зависели напрямую от умения не разглашать планы действий полка. Константин с Иосифом оказались в структуре со своими правилами. Молодость вела их к подвигам, и всё устраивало этих начинающих вояк.

Через год Константин вернулся в село на побывку. Жена была полна гордости за мужа. Дети всех дворов прибежали посмотреть на бравого гусара. Он, как явление необычного образа человека, привлек к себе общее внимание. Делал всем подарки, а для отца привёз сапоги европейского качества. Вся жизнь в доме крутилась вокруг него. В церковь принёс щедрый денежный вклад на обустройство фасада и подарил икону приходу. Через несколько дней к нему в дом зашёл Ксёндз. Такого не бывало никогда прежде. Константин не был высокомерным, но бравада просматривалась во всех его жестах. Хозяйством занималась супруга, и он, отвыкнув от повседневных забот крестьянского быта, мало принимал в этом участие. Ксёндз заискивающе и проницательно выпрашивал его о том, где он работает. Константин коротко отвечал на вопросы и сообщил, что поступил на службу в армию. Духовник села никак не выражал свою реакцию на его ответы и, прощаясь, произнёс:

– Ходить на службы в церковь надо, ты ведь знаешь наши порядки. Дом Божий требует посещения ежедневно, и человек, пребывая в молитве с послушанием, спасает себя от лукавого.

Константин спокойно попрощался с Ксёндзом и занялся своими домашними делами.

– Он неделю здесь и в церковь принёс подношение хорошее. Но есть один момент, который подрывает наш авторитет, то есть это его нежелание ходить как все на ежедневные службы. Может он забылся, тогда необходимо вернуть его на путь истины и повиновения порядку в родном селе.

Отец Константина слушал высказывание Ксёндза и понял серьёзность его замечаний. Поговорил с сыном обо всём этом и после его равнодушия рассерженно проговорил:

– Вернулся, живи как положено добропорядочному семьянину и точка, а если думаешь ещё мотаться по миру, тогда нас не вводи в немилость церкви.

– Я через неделю уезжаю. Ксёндз звал меня на причастие и исповедь, но я схожу во Львове в храм. Ты сам учил меня, что нельзя открывать то, что может навредить родным и близким.

Отец понял Константина и кратко спросил:

– Проливал кровь?

– Как и все, кто с оружием идёт в бой. За это я получаю деньги и могу сделать карьеру.

Отец видел спокойствие, с каким говорил сын, и понял, что прежнего не вернуть, сын стал охотником с грешной душой.

– Ты сам выбрал эту дорогу, прошу об одном, чтобы ты постарался сберечь здоровье, кому нужен инвалид? На тебя смотрят завистливые глаза соседей. Ты зря показал всем своё денежное благополучие. Чует моё сердце не к добру всё это, – вздохнув, посетовал отец.

– Если ничего не делать так и будем прозябать в нищете. Вот деньги тебе, отец, – выразил по-деловому своё мнение Константин. Он протянул кошелёк набитый монетами и попросил, чтобы тот купил коней, построил загон на участке для скота.

– Это мне не трудно, береги себя, Костюша.

Больше они не общались. Перед отъездом он зашёл к родителям и увидел мать в слезах. Отец молча перекрестил Константина и проводил его взглядом полным тревоги.

– Что случилось – не изменишь. Хочет служить в полку – его заботы, – говорил отец матери Константина.

Уезжая из села на ладном коне с осанкой настоящего наездника, гусар притягивал любопытные взгляды. Кроме него, также и Ксёндз знал другую жизнь со всеми предрассудками. Своим рьяным помощникам из сельчан он говорил вслед скачущему Константину:

– Совсем страх потерял. Кто служит в войсках с оружием в руках, тот нарушает церковные каноны.

Он по-своему сдерживал непоколебимый порядок в селении, и как обычно ропот согласия был ответом на слова Ксёндза. Из уст в уста переходили недовольства Константином, что жену оставил и прочее. На самом деле руководила всеми одна только жажда равенства. Константин вырос из оборванца в обеспечивающего своих родных кормильца. Появился скот, подарки, привезённые из-за границы, вызывали зависть женщин со скверными характерами. Родственников стали донимать словами, что Константин отступник и потерял благонравие. Трудно стало близким его от постоянных сплетней. Что только не выдумывали злые языки: и то, что есть другая жена, и что построил где-то дом. Ему неизвестно было ничего о политизации настроений в сторону родных. Константин был в гусарском движении на просторах Европы. Ксёндз в это время необратимо показал всем, что такое отношение противоречит условиям веры и самой праведной жизни. Все одобряли претензии в адрес гусара и вспоминали шутками бравого Константина. Отец считал, что это он ошибся, предоставив волю выбора сыну. Быстро постарев, родители покинули этот мир. Константин отсутствовал несколько лет и ничего об этом не узнал. Прошло ещё несколько лет и в доме Константина в его отсутствие произошли перемены. ...Десять лет спустя, после того как Константин покинул родные края, под натиском сомнительных высказываний не устояла его жена.

– Что ты в старуху превращаешься? Он имеет другую семью или погиб на войне, а ты свои годы тратишь, высыхая от тоски, – всё чаще стала говорить мать жены.

Нашёлся ухажёр за ней, и забыв совсем о своих печалях о Константине, она полюбила другого. Спросили позволения у Ксёндза на свадьбу. Учли всё, что Константин не хоронил своих родителей и от него не было ни одной весточки за десять лет.

– Когда человеку сорок лет от роду, он живёт своим домом, – говорили все знакомые, и никто не осуждал бедную женщину, оставшуюся без внимания мужа.

Со временем Константина стали забывать и вспоминал и только с укором.

– Встал на несправедный путь, который противоречит обычаям родного села, – говорили о нём в назидание другим.

Константин в это время был далеко на чужбине, попал в страшные испытания, но об этом никто не знал и не ведал из родных.

Закончилась вечерняя служба, настоятель остался один в церкви. Служка Степанида пришла в назначенное время, чтобы поддержать чистоту и порядок в Божьей обители. Много лет Поп знает Степаниду, и её участие внимательное освобождало его от хозяйственной нагрузки. Она являлась инициатором всех работ по благоустройству. Сбор средств на ограду кладбищенской территории и замену ворот осуществила именно Степанида. Помимо этого жители набрали артель работников и выстроил и лестницу из камня к входу обители. По краям лестницы соорудили фонари. Вид стал притягательный, а величие сельской церкви укрепились.

В других районах и сёлах менялась стремительно жизнь. Дети из этого селения ходили в школу в Подбуж за двенадцать километров пешком. Учили на русском языке. Тягу к знаниям и просветлению было не остановить. Самый образованный в селе человек был Поп до нынешнего времени. От своих соратников по православной вере он знал, что сила церкви в начале двадцатого века утратила своё значение, и мировоззрение населения подверглось коренным изменениям. Также католическая церковь ослабила свои позиции. СССР вёл население в новую культуру без религий, только волеизъявления партийного руководства были основой истин наступившей эпохи.

В селе образовали колхоз, но народ жил по привычке, основанной на доходах от своих хозяйств. Из тех, кто отказывался сдавать в колхоз свой скот, отправляли в лагеря, и более о тех людях ничего не было слышно. Особенно жёстко власть разобралась с теми, кто пытался с оружием в руках защищать свои личные интересы. Порядок новая власть коммунистов навела повсеместно. Люди боялись открыто говорить о своих политических взглядах. Лучше тихо в семье, чем громко в Сибирь навсегда. Нрав был устоявшийся у этих жителей, и многие дома остались без отцов. Поп всё понимал, и отрицать влияние образования на новые взгляды людей было глупо.

– Время расставит всё на свои места, – думал этот человек, знающий превратности влияния идей на взгляды людей.

Время показало, что жизнь общиной с основными порядками проверенными веками удобнее для сельчан. Много видели эти люди и их предки, а власть политическая меняла как хамелеон цвет, но жизнь здесь шла по своим законам. Колхоз признали, дети стали учиться, многие уехали на заработки, и село вписалось в общую картину политической карты. Но внутри этого мира, затерянного в предгорьях у Польской границы, ничего не изменилось: люди открыто не противились силе власти из Москвы, чтобы не пропасть в лагерьях бескрайнего Севера, о котором все теперь знали. Милиция появлялась только по случаям убийства. Председатель колхоза был из местных, но основная часть влияния исходила от Попа. Это удивительно для времени 20—30-х гг. XX века, но сами жители сберегли отношения к Божьей власти как основной. Ксёндза стали называть иногда Попом, по-русски. Много слов о горе и бедах услышали уши Ксёндза, а глаза его много проводили отчаянных людей на испытания судьбой. Он оставался мудрым и преданным слугой на пути Божьих заповедей. То, что удалось сохранить уважение людей к церкви – саму церковь, была большая заслуга Ксёндза. Все эти мысли снова и снова возвращались к Божьему человеку. Когда и кто был на исповеди, когда крестили каждого – всё помнил это хранитель веры. Имелась книга записи, регистрации венчаний и крещений, но учитывая влияние нового времени, которое всё больше проникало в умы людей, Ксёндз запоминал все даты, и по сути оставался живой энциклопедией. Только дети смотрели иначе на церковь, получая много другой информации в школе. Но через влияние родителей Ксёндз удерживал положение церкви и своё на знаковом уровне.

Вошёл человек в запыленной одежде поздно вечером в своды обители. Дверь была открыта, и Степанида поинтересовалась, что привело позднего посетителя сюда:

– Служба утром, – говорила она незнакомцу и через несколько минут по голосу поняла, кто это. – Господи Всемилостивый, вернулся!

Это был её сосед по дому, общая ограда разделяла эти хозяйства, и семьи хорошо знали друг друга.

– Константин, ты изменился, и сразу тебя узнать трудно. Сколько же лет ты находился на чужой стороне?

– Одиннадцать лет, Степанида.

Он приобнял по родственному соседку, а она быстро шептала ему на ухо:

– Приходи ко мне вечером, все новости узнаешь от меня. Сейчас лучше ни с кем пока не говори. Ксёндз тебя примет прямо в доме, я проведу сейчас к нему. Он знает жизнь и всё что скажет, тебе необходимо как воздух.

– Хорошо, идём, Степанида.

Константин вошёл, после того как Степанида сказала:

– Иди, сынок. Батюшка ждёт тебя.

Её слова согрели измотанную страданиями душу этого человека. Поклонившись, Константин трижды перекрестился образу на стене. Это была икона Спасителя, которую он привёз с собой из Македонии, где был в первом своём походе.

– Помотала тебя судьба, блудный сын. Бог всё видит и сохранил тебя, значит по воле небес, ты еще нужен на нашей Земле.

Константин слушал, и волна праведности наполняла его искушённую душу.

– Многое случилось за время твоего отсутствия. Брат с братом в нынешнее время бывают в разногласиях. Политика доходит до наших мест, но мы сумели сохранить в людях почитание Бога. Твой отец, уходя на небо к Отцу нашему, просил меня молиться за спасение твоей души и помочь, когда ты вернёшься. Возьми это с собой и иди в родительский дом.

Жена Ксёндза собрала в корзину продуктов и поставила перед Константином.

– Завтра придёшь ко мне, помянем твоих усопших родителей и поговорим ещё, тебе это надо. Ступай и прими удары судьбы с мужеством.

Константин шёл к дому, где он родился. Вошёл и увидел полное запустение внутри. Никого, ни одной души живой кроме него не было в родных сердцу стенах. Также висели образы святых и Спасителя в комнате, где жили родители. Он встал на колени перед образом Богоматери Казанской с младенцем, и слёзы неудержимо текли по щекам этого воина. Время остановилось, Константин погрузился в состояние непрерывной молитвы, снова и снова повторяя слова о прощении в прегрешениях своих. После умылся, переоделся и услышал в сумерках ночи голос Степаниды:

– Сынок, пойдём ко мне в дом, отвечу на интересующие тебя вопросы.

Зашли в натопленную избу Степаниды. Она поставила на стол вареники со сметаной, и Константин с удовольствием ел.

– Осталась совсем одна я, долго рассказывать о постигших меня несчастьях. Поговорим сначала о тебе и том, что нужно знать тебе обязательно, Константин. Лучше я всё расскажу. Многое изменилось, и есть дома, в которых бедствуют. Ты вернулся и свою жизнь наладишь. Ещё молодой и полон сил, поэтому прими всё как есть и себя не мучай.

Степанида дождалась, пока он доест и начала с тех вопросов, которые мучили Константина.

– Жены у тебя нет. Два года как она вышла замуж за другого. Её муж человек хороший, приехал из района к нам. Все решили, что ты сгинул в чужих краях безвозвратно. Твои родители верили, что ты вернёшься. Дождаться тебя не успели. Завтра пойдёшь к Батюшке и успокоишь своё сердце в покаянии. Я тружусь в стенах церкви, и он прислушивается к моему мнению. Помню тебя с самого рождения и готова помогать во всём тебе. Встанешь снова на ноги, поправишь хозяйство – всё станет хорошо.

Константин с трудом выносил эти новости и сказал Степаниде, что уходит.

– Ступай, сынок, и выпись с дороги. Я приготовлю еду тебе. Как проснёшься – сначала покушай. Буду заботиться о тебе, пока сам всё не наладишь.

Вернувшись в свой дом, Константин долго лежал на кровати в размышлениях.

– Многое увидел, есть с чем сравнивать, но вернувшись домой, понял, что здесь всё родное и никакие сокровища не сравнятся с уютным домом.

Вспомнил слова родителей:

– Ксёндз умный и образованный человек, семь лет учился в семинарии. Эти люди отдают свою жизнь служению Богу.

Сейчас он чётко понимал, что встреча с Батюшкой излечила его сердце после скитаний. Он уверовал с новой силой в Спасителя и Отца небесного. Ходил каждый день на службу в церковь. Степанида заботливо оберегала его по-матерински. Обстирывала и кормила, добрым словом приветствовала каждый день. Вспомнил Константин, что когда-то из-за пустяка не разговаривали с соседями несколько лет. Осознал всю меркантильность бытовой жизни он только сейчас.

Батюшка приветливо поздоровался с ним ранним утром.

– Я к тебе как раз иду, Константин. Вот что хочу сказать, пора тебе сходить к своей бывшей жене и поговорить. Она мучается, перестала выходить из дома. Это не хорошо, когда человек не в ладу со своим сердцем. Поговори, может печали удалятся от неё.

– Хорошо, я сделаю, как Вы говорите.

– Константин, хотелось много сытых дней тебе. Помнишь, как ты гарцевал на коне в гусарских одеждах, одаривая всех подарками, а счастливых дней стало мало в результате.

Константин всё больше восхищался познаниями Батюшки сути человеческого бытия.

Сходил в дом, где жила его бывшая жена с дочерью. Она сильно изменилась, и по всему было видно, что она страдает. Долго смотрели они в глаза друг другу. Слёзы омывали её измученную душу. Константин совсем оставил злобу и упрёки, от этого стало легче. Ушёл он молча без осуждения в сторону своего родительского дома. Дочь не вышла на него взглянуть, и он понимал, что это совсем чужие люди для него.

Константин занялся хозяйством с новым рвением. Постепенно дом его ожил, но не хватало милой сердцу жены. Пригляделся к одной семье, где забрали в лагерь отца, и решил жениться на девушке из того дома. Она была намного моложе, но это не останавливало Константина в его намерениях. Мать девушки дала согласие, Батюшка одобрил его выбор, и он привёл в дом жену, которую звали Теодозия. Красивая и полная сил, она стала смыслом в его жизни. Первый ребёнок умер, но она родила ещё детей. Бывшая жена умерла, кто-то говорил, что от сердечного приступа. Дочь отправили к родственникам. Она ни разу не зашла к Константину. Её муж вернулся к себе в район. Константин переживал произошедшее, был долгое время печален и много размышлял о превратностях судьбы. Теодозия своим вниманием устранила горечь из сердца мужа. Постепенно всё наладилось, прежние потери уступили место новым радостям. После того как родилась Марийка, младшенькая из детей, она стала всеобщей любимицей. Лучик света, проникающий в его сердце, вот как воспринималась дочурка Константином. Сейчас он осознавал в полную силу своё отцовство. Радость от родительской заботы заполнила всю его жизнь. Он стал счастлив. Константин построил новый дом. Накрыл крышу черепицей. Жить стало уютнее, жить стало радостнее.

Марийка, 14 лет

Мария заканчивала семилетнюю школу. Училась она отлично и говорила хорошо на русском. Послевоенные годы начала 50-х оказались очень трудными. Приходилось помогать матери на грядках. Марийка в совершенстве научилась возвращать плоды своего труда на этой земле. Старшая сестра вернулась из Германии. Она была отправлена туда в годы войны с фаши-

стами. Вернулась совсем взрослой вместе с мужем югославом. Они построили свой дом напротив родительского, за речкой, и стали жить своей семьёй. Ничего не рассказывали про Германию, никто и не навязывался с вопросами. Другая сестра тоже вышла замуж и уехала в большой город с мужем, который находится на реке Волга. Писала письма, из которых Марийка знала, что они нашли себе работу и жизнь наладилась. В селе с послевоенного времени продолжалась смута. Многие из тех, кто ушёл в бандиты на сторону германцев, продолжали запугивать местных жителей. Терять им было нечего, и люди их боялись. Константин опытный вояка, один из первых, познавший суть политики междоусобных войн, постоянно высказывался о вреде власти бандитов.

– Ничего хорошего вас не ждёт, или тюрьма, в лучшем случае, или отстреляют как волков. Благодаря репутации смелого человека и возрасту, Константина не трогали.

С годами он стал набожным человеком. Возраст в это время стал проявляться во внешности Константина: голова полностью поседела и появилась сутулость, он больше времени проводил в молитвах, чем на огороде. Теодозия своей терпимостью не мешала его умиротворению. Сама всё делала и приучила Марийку. Со школьных лет за девочкой бегали многие мальчишки. Она нравилась из-за своей яркой внешности. Длинная коса и чёрные глаза с красивыми ресницами делали мальчишек застенчивыми.

– Ты чаровница моя, имеешь силу в своей красоте, – говорила Теодозия Марийке, – жениха тебе надо хорошего, чтобы счастье сопровождало тебя всю жизнь.

Чувство отзывчивости и сострадания настораживали мать. Она понимала, что думать нужно о себе в такое тяжёлое время, а Марийка часто уходила помочь управляться на огородах другим селянам, которые нуждались. Теодозия знала, что запрещать помогать другим нельзя, так как верила в Бога, но с практической стороны понимала и то, что дочь должна к замужеству своему быть практичной и материально думать только о своих недостатках. Всё время она поучала дочь и надеялась на то, что она усвоит её наставления и будет готова к самостоятельной жизни, когда придёт её время. На мальчишек села дочь не обращала внимания. Мать чувствовала, что Марийка всё больше становится наивной мечтательницей.

– Значит у тебя другая судьба, если не смотришь на ровесников. Есть и хорошие работающие парни, а тебе всё равно, – сетовала мать.

– Ну не вижу я в них своего жениха, ни в одном, смех, да и только.

Мать вздыхала от своенравия дочери. После безуспешных попыток дружить с Марийкой её дразнили: «дочь гусара, дочь гусара». Ещё со школьных лет к ней прилипло это высказывание. Никого так больше не называли, и она всё время хотела узнать, кто эти люди гусары. Сначала она краснела, когда её дразнили, и ей казалось, что это напоминает слово «гусь». Устала от волнений на этот счёт, и немного повзрослев, решила узнать, что такое «гусар». Учительница была русской и отнеслась к её вопросу с пониманием. Коротко рассказала, что раньше так называли самых лучших военных, которые отличались красотой и своими подвигами. Марийка удовлетворила свой интерес и была благодарна учительнице. С этого момента изменилось её отношение к Виктории Владимировне, которую все недолюбливали и за глаза называли москалькой, потому что она русская. Марийку тоже дразнили дочерью гусара и после того, как учительница ей всё объяснила, она стала даже немного симпатизировать этой москалке. Поняла, что дразнят иногда очень хороших людей, из-за того, что они больше знают и видели.

Одна мысль терзала любопытство Марийки:

– Почему отец никогда не рассказывает про то время, когда он был гусаром?

В день своего шестнадцатилетия она решила поговорить с отцом. Мама сготовила пироги с картошкой ко дню рождения. Поели, и отец поинтересовался, кем хочет быть дочь.

– Я уже есть Ваша дочь. Мечта у меня одна – уехать в город и там найти работу.

От уверенности в сказанном, родители не знали, как реагировать на такие планы.

- Ты лучше расскажи мне отец про гусаров, и от чего нас за глаза не любят.
- Ты, наша любимая доченька, взрослая стала. Во всём помогаешь матери, скажи мне, зачем тебе мой рассказ?
- Учительница сказала, что это смелые и отважные люди, а мальчишки дразнились всегда, и я думала, что это позор какой-то.
- Они не знают, что творят. Их родители говорят обо мне, и они всегда напоминают тебе, что ты дочь гусара. Хорошо, я немного объясню тебе, моя кровинушка, в чём суть.

Рассказ отца

– Вспоминая свою прежнюю жизнь, скажу одно, ни о чём не жалею. Видел другие страны и знаю, как там живут люди. Там всё другое, но верят в Бога и почитают его все народы. Был я в нескольких сражениях. Проливал кровь, иначе было нельзя, потому что на войне или ты победитель, или смерть заберёт безвозвратно. С убитых никогда не брал ценности. Кто проливал кровь и забирал у жертвы ценности, того преследовал злой рок. Нам хорошо платили, и в этом не было нужды. Один раз мы попали в окружение, и наше войско начали беспощадно уничтожать турки. Вырезали всех. Силы были у них во много раз больше. Мы с родственником Иосифом вспороли брюха у своих подстреленных лошадей и забрались внутрь окровавленных тел наших коней. Турки добивали всех, кто не успел спастись. Живых осталось всего несколько человек, и мы в том числе. Бог оставил нас в живых, вернувшись с поля сражения, мы нашли всего трех командиров в своей части. Без приказа нам предложили добираться домой самим. Мы отправились в обратный путь и попали в плен. Много страданий выпало на нашу долю. Мы работали на ферме одного полковника. Если бы узнали, что мы гусары, тогда нас казнили бы сразу. Переодетые, но говорящие по-русски, мы попали в рабство. Многие годы планировался побег. Нас никто не сторожил, но в те времена русских хватало везде, где они попадались. Время было военное, и в особенности гусарских полков боялись и мстили всем, кто попадался. Через много лет, когда жизнь стала более мирной в том краю, мы вернулись домой. Одиннадцать лет меня не было в родном селении.

Отец замолчал, а Марийка прижалась к его груди и заплакала, узнав правду о его службе. С тех пор никогда она не расспрашивала его ни о чём. Только когда она повзрослела, спросила у отца, отчего дразнят её и обвиняют в том, чего нет на самом деле.

– Ты ходишь в клуб на танцы. Там общаешься, и многие находят свои пары. Посмотри на свою внешность – красивей тебя нет ни одной девушки.

– А зачем тогда мои подружки говорят разное про меня, чтобы опозорить за глаза?

– Что тут скажешь? В Европе сжигали на кострах всех красавиц только потому, что они слишком хороши собой. Из-за этого внешне сейчас очень значительная часть женщин в Европе невзрачны. Это обыкновенная зависть, которая жжёт изнутри коварные души.

Выслушав доводы отца, Марийка осталась под впечатлением. Он развеял сразу всё, что ей было непонятно в поведении ровесников.

Время взрослеть

Марийка стала ездить на заработки в соседние районы. Работы она не боялась, и появились свои накопления. По выходным ходила в сельский клуб и много танцевала. Она не обращала внимания на лукавые взгляды соперниц за мужское внимание. В танце она чувствовала себя свободной и преуспела в этом. Когда она постукивала каблучками о пол площадки под музыку, ладное тело в новом платье заставляло завидовать других девушек. В свою очередь Марийка никем не интересовалась, сердце её оставалось закрытым для любви, которая ещё не пришла.

Марийка уехала пригород Львова на три месяца в совхоз, где обещали хороший заработок. Мама её не отговаривала. Они с отцом всё время повторяли, что единственное их желание – это выдать замуж дочь за обеспеченного человека с хорошим воспитанием. Теодозия мечтала, чтобы муж дочери был непременно врачом.

Вернулась Марийка счастливая. Купила себе пальто и новые туфли. Дома она застала опечаленную мать. Долгими часами она молилась и была совсем молчаливой. Когда она заговорила, её слова были такими:

– Идём в церковь, Марийка, а после поговорим.

Такой мать она не видела никогда. На ней совсем не было лица. По пути в церковь, как обычно здоровались со всеми по дороге в обитель Господню. Во взглядах всех Марийка заметила какую-то ноту сострадания, и люди шептались между собой. Батюшка подошёл к Марийке после службы и добрыми словами обратился к ней:

– Да хранит тебя Бог, чистая душа.

Вернулись домой, и мама стала повсюду зажигать свечи. Затем усадила рядом дочь и заговорила:

– Случилась беда, я сердцем чувствую. Когда ты уехала, к нам приходили бендеровцы. Ты знаешь, многие из села думают и живут старыми порядками. Долго говорили с отцом, звали его с собой. Он ответил, что в их дела он не лезет и у него своя жизнь. Один старый недруг твоего отца сказал, или все вместе, или никак. Чтобы мы были уверены в своей безопасности, нам нужна поддержка всех до одного, кроме Ксёндза, он не в деле.

– Я всё сказал и решение неизменно, – твёрдо стоял на своём твой отец.

Тогда недруг продолжил:

– Ты показываешь другим пример и пойдёшь с нами для разговора в леса. Там будешь объяснять свою точку зрения.

Отец начал выгонять их вон из дома, но все были при оружии. Завязалась драка, и его увели. Мне сказал один не из нашего села, что если буду с кем-то говорить об этом, тогда они сделают тебе плохо, дочь, и сожгут наш дом. Я ждала твоего возвращения и пребывала в беспокойстве за тебя. Ты вернулась, и сердце моё спокойно. Вот что случилось. Как изменить всё я не знаю и боюсь этих людей. Моё сердце подсказывает, что они погубили отца.

Марийка стала возмущаться и высказывала свои способы в поиске справедливости.

– Сейчас успокойся и послушай меня, – сказала мать. – На танцы не ходи больше, мы остались вдвоём, и я не смогу сберечь тебя вне дома. Девушки, которые остались сиротами легко попадают в скверные ситуации. С тобой потанцует один, потом пригласит на танец другой, и будут говорить, что ты пошла по рукам.

– Я ничего не боюсь и с какой стати должна бояться кого-то.

– Ты знаешь всё, как устроена наша жизнь. Все боятся бандитов и думают только о себе. Круговая порука у нас. Сколько лет прошло с войны, а бендеровцы по-прежнему в силе. У них невидимая власть, и ты должна меня во всём слушаться.

Отец не возвращался, и Марийка понимала, что случилось беда, о которой говорила мама. Неведомая сила тяготения увлекала её подальше отсюда. Она съездила во Львов и там завербовалась на заработки в Санкт-Петербург на кондитерскую фабрику на год. Вернулась в село попрощаться с мамой. Теодозия, как и все в селе, недолюбливала москалей, но к удивлению Марийки сказала:

– Тебе восемнадцать лет, и ты совершеннолетняя. Учись сама заботиться о себе. В России порядок, который боятся даже у нас. Обвиняют их во всех грехах, но милицию и русскую армию уважают. Стольких посадили. От того и бендеровцы боятся. Решила – значит езжай. Возможно, там жизнь лучше. Сейчас мне трудно тебе указывать, дочь. Сестра твоя уехала и живёт с мужем в России, ни одной жалобы нет в её письмах.

Утром Марийка села в львовский автобус и долго смотрела через окошко на машущую ей вслед мать.

Ленинград, 1957 год

Поезд мчался по рельсам, постукивая колёсами. Этот постукивающий ритм бился в унисон с сердцем Марийки, или ей так казалось. Вся окружающая атмосфера втягивала в предвкушение нового. Россия оказывалась совсем другой, чем рассказывали дома. Люди общительные и приветливые. Доброжелательность сквозила в каждой душе. Общая победа над фашистами объединила всех в одном устремлении. В основном в вагонах находилась молодёжь. Все веселились и легко знакомились. Разговоры о работе на стройках страны и перспективах – это была основная тема. Марийка нашла новых друзей, тут встречались разные по воспитанию и менталитету люди. Никто не интересовался, кто какой национальности. Делились едой и информацией из своего опыта. Совсем не сравнима оказалась новая атмосфера с предыдущей жизнью Марийки.

Она вспоминала и сравнивала, что дома все здороваются при встрече, но каждый думает только о своём достатке и личных заботах. Так складывалось веками: всё «крутилось» для каждой семьи вокруг своего огорода. Здесь всё полностью наоборот. Ранее незнакомые люди радовались знакомству и радушно общались. Всех объединяло общее желание трудиться и построить заново огромную страну Россию. Львов также являлся частью СССР, но теперь Марийка отчётливо увидела различия в мировоззрении близких ей с рождения людей и этих новых строителей современной жизни. Никто никого не упрекал, все были веселы. Совсем быстро происходила трансформация в новом для Марийки мире, и старый ограниченный своими устоями мирок села скрывался за дымкой прошлого. Завеса опускалась на былое, всё иначе, и много притягательного открывалось в настоящем. Девушке всей душой нравилось происходящее, и она обрела полную уверенность в том, что шаг сделанный – верный.

Ленинград многомиллионный город с людьми лёгкими в общении – вот первое впечатление, которое получила Марийка. Фабрика кондитерских изделий находилась в Колпино. Всех трудоустроенных поселили в общежитии. Соседки оказались приезжими из Вологды и Архангельска.

– У нас много комаров, кругом тайга. Море Белое с множеством видов рыб. Вот всё, что нас окружало с детства. Потянуло в центр цивилизации, а заодно и сладкого вдоволь поесть, – шутя говорили девчонки.

– Сладкого наедемся на долгие годы вперёд, – с улыбкой подхватила Марийка весёлый тон разговора.

Все дружно рассмеялись. Будто и не было серой однотонной жизни с утра до вечера на поле, вот картина которую видела Марийка. В Ленинграде работали шесть дней, в воскресенье ходили на танцы во Дворец культуры Молодёжи или в кино. За несколько месяцев все основные достопримечательности стали знакомы, и город принял Марийку. Она себя чувствовала комфортно. Для того, чтобы увеличить заработок, решила устроиться на вторую работу, и стала во вторую смену трудиться в бригаде маляров. Удалось скопить денег и обрести независимость. Подружки быстро нашли кавалеров, а Марийка, воспитанная в набожной атмосфере, не могла без любви и законных отношений даже думать о романах. Она значительно превосходила в трудовых успехах своих подружек с Севера. Делала две нормы, а они в свою очередь едва выполняли одну. С раннего детства она, приученная к труду, выполняла автоматически без особых усилий работу у конвейера упаковщицей товара. Она затмила всех своими показателями.

– Очень стараешься, не надорвись! – всё чаще стали говорить другие.

– А я по-другому не умею. Делаю своё дело и всё тут, – отвечала она.

Ходила в церкви, посетила Лавру, всё очень интересовало её, что касалось религии. Совсем никто не посещал храмы, и это обстоятельство удивляло Марийку. Воспитанная в традициях веры она больше всего на свете боялась нарушить законы Божьи. Тут никого не интересовали её взгляды по отношению к Богу, наоборот, переставали с ней общаться. Но когда Марийка являлась на вечер во Дворец Культуры Молодёжи, где танцевала весь музыкальный репертуар, тут уж все признавали – танцует она классно. Завела себе новый гардероб, и вид сельской девушки ушёл безвозвратно в прошлое. Её трудолюбие и набожность стали поводом для «приколов» со стороны подружек:

– Какая правильная вся, совсем не искушённая, – почему-то ехидно выражали свои мнения подруги.

Они легко могли выпить, и некоторые курили, на это никто особого внимания не обращал, главное – вне рабочего времени – единственный закон для всех, а после трудового дня – отдыхай, как знаешь. Марийка поддерживать такую жизнь подруг не стала, и постепенно общение свелось к слову «привет» и «пока». Когда все устраивали загул массовый, тогда Марийка оставалась совсем одна. Не могла она нарушать свои привычки и обычаи села. Там всё как на ладони, любой поступок или слово, сказанное в ненужное время и в ненужном месте, могут изменить всю жизнь человека. Трудностей она не испытывала, радовалась жизни и стала чаще вспоминать маму, для которой приготовила сувениры и подарки.

Особенно Марии нравилось прогуливаться по Ленинграду вдоль набережной и по мостам, которые удивляли своими античными скульптурами. Эта обстановка её вдохновляла и всегда вызывала в ней хорошее впечатление. Часто совсем незнакомые люди улыбались ей, лицо её было в эти мгновения светящимся и милым. Вспоминалась речушка у дома, которая в диком порыве струилась по камням. Дело рук человеческих может восхищать, и она всякий раз дивилась тому, как отделаны камнем берега Невы.

Год пролетел незаметно, все называли её Мария, и она осознала, что совсем стала взрослым человеком. На предприятии руководство обращались к ней по имени и отчеству: Мария Константиновна. Она не понимала, отчего такая официальность. Причина была в её трудолюбии и обязательности. Перед отъездом мастер сообщил, что она может вернуться, если пожелает, на постоянную работу. Соседки по комнате стали приветливей и много рассказывали о Севере. От них она узнала, что с таким трудолюбием Мария заработает много больше на Севере, чем в Ленинграде, потому что там коэффициент выше и платят северный тариф. Два чувства возникли одновременно: одно – это возможность остаться здесь и зарабатывать себе право на будущий комфорт, а второе – ехать домой к маме, которая совсем одна осталась. Мария решила ехать домой, чтобы помочь матери. Впервые уехав на такое время из родного дома, она всё ещё была очень привязана к родным пределам. Спросила у мастера, может ли она взять с собой несколько рулонов упаковочной ленты для конфет.

– Ты столько премиальных заработала за год, что можешь брать с собой целую упаковку из нескольких рулонов.

– Нет, я хочу разноцветных взять.

Без препятствий мастер помог ей выбрать самые яркие образцы и с улыбкой добавил:

– Чудная ты, радуешься от всего красивого.

Мария упаковала свой новый чемодан и направилась за билетом. Несколько дней оставалось до отправления домой. Всё это время она гуляла в парках и посещала музеи. В Александро-Невской Лавре поставила свечи за упокой и здравие, исповедовалась батюшке, а после со смирением отправилась на вокзал.

Возвращение из Ленинграда домой, Марии 20 лет

В обратном направлении на Запад также состав был заполнен разными людьми. Все говорили по-русски, и совсем не часто встречалась украинская речь, которая напоминала о приближении других культурных рубежей. По дороге из Львова до районного центра многие общались на русском языке. Влияние нового времени доходило и до этих удалённых уголков огромной страны.

Мама очень обрадовалась возвращению дочери:

– Думала, что ты не захочешь больше здесь жить в таких условия. Слушаю новости, и каждый раз, когда тебя вспоминаю, думаю, что оставила навсегда ты меня.

– На один год уезжала, вот как закончилась работа по найму, я сразу и вернулась.

– Спасибо тебе, доченька. После того как осталась без Константина, совсем радость к жизни потеряла. Ты моё солнышко и радуешь меня своим появлением.

Скромно поужинали. Мария заметила, что совсем мало грядок засажено в огороде.

Утром следующего дня Мария отправилась трудиться на поле, и через неделю дом пополнился запасами. Выписала дров в лесничестве, а затем уплатила за доставку соседу.

– Богатая ты стала, у нас весь расчёт только самогоном, а ты наличностью. Молодец ты, Мария, на месте не ждёшь манны небесной, сама всего добиваешься. Другие сидят на шее у родителей и не торопятся трудиться. Видно время такое пришло, что жизнь меняется повсеместно, а у нас как привыкли дальше своего огорода не смотреть, так и продолжают жить.

– Работы по всей стране делай – не переделаешь. Скоро и наши сельчане поймут, что ездить на заработки лучше и выгоднее. Тут ведь в колхозе работа и больше нет выбора. Зарплата маленькая, а в других регионах хорошо платят. В Ленинграде за один год целые районы строят, сама своими глазами видела.

– Смышлёная ты, Мария, и что замуж не выходишь?

Марийка засмушалась от таких слов пожилого соседа, живущего через три двора от их дома.

– Слушай, а могу я попросить тебя об одной услуге?

– Вы мне помогли с дровами и быстро доставили их, отчего же Вам не помочь?

– Расскажи моему сыночку про возможности заработать и как всё это оформляется, а я за твою помощь буду помогать вам, когда обратитесь. Он пьёт горилку и ничего не хочет делать. Всё опостылело ему, говорит.

Увидев, что в печали родительское сердце, Марийка ответила:

– Пусть в выходной к нам приходит. Я ему объясню, из того что сама знаю, как лучше трудоустроиться.

– Спасибо, добрая душа. Невозможно родителю смотреть, когда дитя чахнет.

На том и простились.

В выходной пришёл сын того соседа и был он не очень трезв. Стал говорить, чтобы Мария стала его женой.

– Одна ты мне по душе, и никого более не воспринимает моё сердце.

Слова его были нудными и дотошными. Мария терпеливо слушала пьяные речи того гостя, и поздно вечером с трудом выпроводили его из своего дома. В последующие дни тот хлопец не давал проходу, всюду следовал за Марией. Чувство неприятия угнетало её, и как избавиться от этого, она не находила решения. Мать видела её состояние и в утешение говорила:

– Может, выйдешь за кого-то из села, сразу перестанут надоедать другие.

За месяц пребывания Марии дома, все неженатые хлопцы крутились рядом, чтобы привлечь её внимание.

– Есть работающие молодцы, выбери кого-нибудь. Ты взрослая, и тебе пора стать женой. Мы в прежние времена старались побыстрее выйти замуж, чтобы «не опоздать».

– Может ты и права мама, но не вижу я среди них своего мужа.

Марийка вышла во двор и подошла к своему деревцу. Плоды висели, налившись зрелостью на радость ей. Она увидела сломанную ветку от ураганного ветра. Аккуратно отпилила, где надломлена, и перевязала рану. Прошла по саду среди стройных рядов плодовых деревьев. Вернулась к дому и проговорила шепотом:

– Только ты мне по душе, дикий куст. Радует меня своими плодами и верно ждёшь меня всегда.

Нарвала с этого дерева алычи и принесла в дом полную до краёв тарелку.

– Ни у кого так не родит алыча, и её вырубают, чтобы не мешала другим деревьям, а у тебя плодоносит небывало, – говорила ей мама, а сама тайком поглядывала на дочь.

Теодозия знала жизнь, и в этот момент она понимала, что дочь совсем взрослая, а это значит, что судьбу свою должна встретить вскоре. Отношение Марии к родному селу изменилось. Ничто её не удерживало дома. Воспоминания Ленинграда и той атмосферы всё чаще стали посещать её. Скоро она сказала, что решила уехать на север, чтобы заработать себе приданое.

– Со мной что ты высидишь? Решила – уезжай.

Теодозия видела, что Мария мучается дома, ей нужно искать свою новую жизнь. Она не решалась что-либо советовать своей любимице и окружила её вниманием и заботой.

Мария скучала по тому душевному состоянию. Подъём сил и восхищение этой верующей девушки вызвали образы Ангелов и Архангелов, которые повсюду смотрели на наш мир со своих пьедесталов. В Ленинграде бесчисленное количество крылатых существ, увековеченных в камне, воздействовали повсеместно. Казалось, что оживали изваяния, наблюдая за нашим существованием, и призывали задуматься о духовной сути.

– Архангельск – всё аккумулируется в этом слове, туда и отправлюсь, – решила Мария

Глава III

Мурад вернулся к жизни

Судьба у каждого своя. Многие из живущих на Земле людей проживают годы без потрясений, и жизнь их мало заметна. Такие обыватели по-своему счастливы. Им не приходится переживать за завтрашний день или убегать от своего прошлого. Судьба Мурада вела его по извилистской дороге, и будущее своё он совсем не мог представить в сознании, как это делали многие другие люди. Он видел и слышал, что ему говорят, наблюдал за действиями Светланы. Медсестра представлялась ему милым созданием, но самое важное – это разговор с Глебом Прокоповичем, который всё ему объяснил на третий день после того, как Мурад пришёл в себя и смог говорить. Глеб Прокопович пришёл с коллегой, которого до этого момента Мурад ни разу не видел в своей жизни. Тот был в очках, и аккуратно подстриженная борода придавали чертам его лица вид учёного человека. Глаза умные, а речь этого доктора стала настоящим гарантом успокоения для души пациента.

– Я друг и коллега Глеба Прокоповича, занимаюсь научной работой по теме «пограничное состояние между жизнью и смертью». Ваш случай не уникален, такие истории изучены в мировой практике научной медицины. После недолгих консультаций с Глебом Прокоповичем, я заинтересовался Вашим случаем и согласился участвовать в эксперименте, который приведёт Вас к полному выздоровлению. Мы на это надеемся, и шансы сохраняются.

Мурад слушал каждое слово затаив дыхание. Нemoщ, которую он испытал, сильно влияла на все его представления о бытии. Светлана ухаживала за ним как за младенцем, и это его угнетало.

– Меня зовут Виктор Сергеевич, и мне необходимо Ваше согласие на моё участие в лечении Вас от недуга. Скажите слово «ДА», и это будет означать начало нашего совместного труда. Прошу заметить именно совместного. Вы на самом деле полностью здоровы, а вся Ваша неспособность двигаться – это преграды, которые создал мозг. Все функции организма сохранены, и нам нельзя терять время. Промедление смерти подобно. Учтите, это Вы сами сдерживаете своё возвращение к действительной жизни. Не знаю, что с Вами было и какие тяжкие испытания Вас постигли, но проблема не физическая, а скорее психологическая. Можно сказать словами – Вы сбежали из реальности.

Каждое слово Виктора Сергеевича проникало в самую глубину всех представлений Мурада о своей участи. Голос действовал, вызывая новую волю и желание вернуться к здоровой жизни. Всё стало из сказанного этим человеком новым рычагом, и Мурад чувствовал, как энергия жизненных сил прошла по всему телу. Он попытался даже двигать суставами, но ничего не получилось. От отчаяния он снова ушёл в себя и утратил интерес к окружающим.

– Мурад, Виктор Сергеевич ведущий специалист, и твой случай, по его мнению, не безнадежен. Он вернёт тебя к нормальной жизни. Помни – всё в твоей голове. Ты сам захлопнул дверь воспоминаний и отказываешься от желания жить. Однако само возвращение, ты был в коме, и у нас были серьёзные опасения за тебя, радуется нас, мы поддержим и поможем тебе, – заговорил Глеб Прокопович.

Виктор Сергеевич подвёл итог первой беседы и сказал, обращаясь к Мураду:

– Считайте это началом нашего общего пути к успешному выздоровлению.

Такое участие и доброта были совсем не знакомы Мураду. Он старался не смотреть на этих людей и закрыл глаза.

Понимая его эмоциональное состояние, два доктора удалились.

Светлана накормила Мурада и перестелила постель. Умело перекладывала его с постели на передвижную кушетку и обратно. Казалось, она светится в лучах тёплого света добра. Мурад в полном бессилии от пережитых новых впечатлений провалился в мир сновидений. Уходя в бессознательное состояние, он увидел глаза Виктора Сергеевича и услышал его голос:

– Всё в твоей голове. Это ты сам себя держишь в бездействии.

Волна лёгкости несла его вниз по каменистой тропинке к шумевшей речке. Он бежал, быстро перебирая своими босыми ногами. Счастье и чувство свободы проникли в его душу.

Светлана принесла коробку с книгами и журналами, статуэтку воина, сделанную из бронзы и несколько картин, на которых было изображено море. Картины повесила на стене на такую высоту, чтобы Мурад мог хорошо рассмотреть их содержание. Статуэтка оказалась совсем рядом перед кроватью, на которой находился он. Тумбочка со специальными полочками на колёсиках вместо ножек была поставлена совсем рядом к месторасположению Мурада. Именно на её верхнюю столешницу Светлана водрузила символ будущих побед. Бронзовый воин держал в руке копьё, и на нём чуть ниже острия развивалось знамя волнистыми изгибами от порывов ветра. Светлана закончила обустройство и, выдохнув, сказала:

– Ну вот, кажется, уютнее стало у нас теперь.

Мураду особенно понравилось, как она сказала «у нас». Он совсем не хотел оставаться один с некоторыми пор, а именно после своего возвращения с «того света». Он смотрел на медсестру, не отрывая глаз, и она немного смутилась.

– Тебе что-то надо, ты скажи мне, – произнесла она.

– Всё что ты делаешь вполне достаточно. Зачем ты заботаешься обо мне?

– Это моя работа, и ты не более чем часть моей работы.

Такой логичный оборот в словах быстро вернул Мурада в реальность. После вчерашнего разговора с Виктором Сергеевичем он совсем поверил «в сказки». Хрупкая Светлана умело ставила все его представления на место.

– Какая сегодня погода? – поинтересовался Мурад у Светланы.

– Я твоя погода, какая разница, что за окном, – ответила она.

Мурад вспомнил все предыдущие мгновения: когда Света его кормила, мыла, перевязки делала и много другое из её забот. В душе он согласился, что она может позволить себе простоту в отношении него и даже больше. Лёгкий испуг испытал он при полном понимании своей зависимости от медсестры Светланы, будто она читала его мысли.

– Всё это передали для тебя покровители: Глеб Прокопович и Виктор Сергеевич. Несколько интересных книг, журналов и газет. Я немного просмотрела некоторые из журналов, там в основном пишется о подвигах человеческих и путешественниках. Статуэтку Глеб Прокопович привёз из своего дома. А картины – это Айвазовский, их мы по общему решению передаём тебе на обозрение. Раньше они находились в комнате отдыха и релаксации.

Мурад избавился от беспокойства, которое испарилось после рассказа Светланы о происхождении вещей, которые изменили обстановку палаты.

– Адаптационный период в одну неделю прошёл, и могу тебе сообщить, что с этого дня начинаются процедуры интенсивного массажа всех твоих мышц. Профессор Виктор Сергеевич сказал, что ты сильный и все твои мышцы нужно стимулировать, тогда шансы возрастают на успех всего лечения.

Мурад осмотрел очертания своего тела, накрытого одеялом, и слеза предательская скатилась по щеке. Он отвернул лицо в сторону, закрыл глаза, ушёл в себя. Как будто голова на шее живёт отдельно от тела, которое совсем не подчиняется ему. Слова Виктора Сергеевича зазвучали в голове:

– Это ты сам держишь себя в рамках бездвижия, всё в твоей голове.

В этих словах разум Мурада нащупал лазейку победного спасения из плена телесной немощи, он начинал поддаваться новым для себя мыслям. Необычность самой ситуации для

него тут же отразилась в его голове, а сейчас он начинал находить логику, которая всё больше увлекала его.

– Надо встать с кровати на свои ноги и уйти самостоятельным человеком, – твёрдо прозвучала мысль этого решения. Ему было не важно, как и когда это произойдёт, главное, что Мурад поверил в возможность победы.

Открыв глаза, он увидел лицо Светланы, склонившейся над ним.

– Ты улыбаешься с закрытыми глазами, а сейчас, когда их открыл, я вижу свет в твоих зрачках.

Она поцеловала Мурада в щёку и обыкновенно проследовала к двери из палаты, говоря на ходу:

– Всё у нас получится, ты настоящий победитель! Верь в себя!

Дверь за ней захлопнулась. Мурад знал, что каждый вечер в это время Светлана уходит на планёрку к Глебу Прокоповичу. Он улыбался, его бедственное положение необъяснимым образом трансформировало в общее усилие победить командой его недуг. Такое он видел в армии, когда играла в футбол вторая рота. Тогда все знали, что победят они. Сплочённость команды сквозила в каждом движении, как будто это был один живой организм, который внимательно прислушивается к себе, и никто не мог понять, как им удалось дойти до такой игры. Все понимают друг друга с полуслова, и комбинации удачно приводят к успеху. За победу в чемпионате округа они получили приз и смогли даже съездить в отпуск. Больше такого взаимопонимания Мурад не встречал. И вдруг совсем не запланировано он оказался в стенах этой палаты и его окружили несколько людей вниманием с полной самоотдачей. Такое чувство появляется не от слов услышанных, а только из восприятия. Уверенность в том, что всё временно и он выйдет из оцепенения, так пугающего его, закрепились в разуме, а по телу прошла волна тепла. Мурад попытался шевелить хотя бы пальцем, ему это не удалось, но вместо разочарования он спокойно повторял попытки раз за разом, мысленно направляя свои усилия. Он явно почувствовал волну тепла по всему телу, которое не слушается, но Мурад сделал себе убедительное внушение, что скоро послушается.

Ход его мыслей остановила вошедшая Светлана, которая сделала два укола и пожелала спокойной ночи. Это было снотворное, потому что когда наступил сон, он не заметил. В двух метрах в кресле сидела Светлана с открытой книгой, читая, она изредка поглядывала на спящего подопечного. За эти несколько дней она совсем привыкла к нему, и работа перестала представляться ей как самая тяжёлая на свете. Сначала она думала именно так:

– Заботиться о ком-то, подтирать за ним и при этом совсем забыть о своей личной жизни – что может быть тяжелее для молодой девушки. А сегодня как будто ушла прежняя тяжесть, лицо у этого Мурада просветлело немного, ещё улыбнулся. Чудеса!!! – радуясь за него, подумала Светлана.

Душа и тело

Утром Виктор Сергеевич был приветлив и сообщил Мураду после недолгого разговора о чудесах медицины, что с сегодняшнего дня начинается интенсивная терапия до возвращения его к нормальной жизни.

– Физическая форма в хорошем состоянии, и промедление недопустимо, – таков был его вердикт. – Светлана будет Вам читать, чтобы Ваше восприятие расширяло свои горизонты. А мы начнём с терапии гипнозом.

Голос профессора действовал подчиняюще, и каждое слово приводило к полному согласию с его мнением и аргументами.

Виктор Сергеевич провёл осмотр всех датчиков на подключенной аппаратуре, поддерживающей жизнедеятельность Мурада, и остался доволен своими наблюдениями.

– Твой разум спокоен, ты слышишь меня и готов вывести себя из закрытой комнаты, в которую сам себя определил...

Профессор начал счёт от одного и до двадцати. Мурад вслушивался в его слова, а затем наступила полная свобода и лёгкость. Все переживания и страхи отступили, и он увидел себя. Голос наставника вёл его в прошлое.

– Мурад, ты помнишь, как вы встретились с Глебом Прокоповичем, когда ты впервые увидел его?

Мурад мог ручаться, что всё увиденное было с ним. Отчётливо воскрешались события того времени, когда он приехал в Москву и познакомился с человеком в очках. Когда он снова встретился глазами с Виктором Сергеевичем, он вспомнил все события, которые произошли с ним в Москве.

– На сегодня хватит. Ты молодец и хорошо поддаёшься влиянию.

– Это потому, что я Вам верю и хочу жить.

– Вот и чудненько. Ты устал, и сейчас Светлана сделает тебе инъекцию снотворного. Отдыхай и будь готов к воспоминаниям. Возможно, они не утешительны, но это твоя жизнь, и сам решишь, какие выводы делать из прежнего своего опыта до настоящего времени. Всё в твоих руках, и только вместе мы вернём тебя в реальность.

Светлана читала Мураду разные книги и заметки, а иногда спрашивала интересно ли ему.

Мурад безучастно слушал её голос и мало вникал в смысл повествований. Виктор Сергеевич ежедневно один раз проводил с ним гипнотический сеанс. Мурад многое вспомнил, лишь детство оставалось за пеленой забытого прошлого. Профессор уверял, что через два-три сеанса он вспомнит всё, вплоть до своего рождения. Мурад надеялся на это и с уважением относился к усилиям учёного ради его благополучия.

Светлана делала массаж и казалась неугомонной в своих трудах за спасение тела Мурада. Он мог наблюдать за всеми её движениями, иногда ему стало казаться, что он чувствует тепло её рук.

– Я точно выйду победителем из этого сражения, – сказал он ей уверенным голосом.

Светлана была искренне рада таким словам и поцеловала в щёку Мурада. Тепло её дыхания и нежность губ проникли в самые затаённые уголки его сознания, и он испытал томное сладострастие. Мозгом, реагируя на эту девушку, он пребывал в шоке, что такое возможно. Глубокие симпатии формировались в его разуме к ней.

– Всё, обедаем, и я начинаю тебе читать новую книгу, – сказала она, прервав его упоения внутри своего сознания. Он даже стал подозревать, что она читает его мысли иногда.

Светлана читала в течение часа новую книгу. Мурад в полудрёме слушал долетающие до него слова. Речь шла о каком-то профессоре, который попал в тюрьму на пожизненную. Совсем не виновный, но приговорённый по стечению обстоятельств и наговору завистников. Светлана увидела оживлённый интерес, проснувшийся в Мураде к этому рассказу, и стала продолжать с интонацией и глубоким чувством дальнейшее чтение. Мурад заслушался. Он невольно стал соучастником испытаний того человека. Весь вечер Светлана неугомонно вела его по пути героя произведения. Мурад сам остановил её:

– Ты устала, хватит читать.

Светлана заметила перемены в нём и сказала, что завтра весь день продолжит чтение, если он захочет. Ему было стыдно признаться в том, как он жаждет узнать продолжение истории с человеком, который попал в страшные испытания.

Всё утро Мурад вспоминал того человека, о котором узнал из книги, поэтому во время сеанса гипноза не смог полностью поддаться его воздействию. Виктор Сергеевич сказал, что сутки будет перерыв, так как состояние Мурада проходит регенерацию, где прошлое засело в паутине памяти, но непременно всё будет хорошо.

Мурад попросил Светлану продолжить чтение. Интерес, с которым он относился к этой истории, пробудил и в ней повышенную заинтересованность. Она начала долгожданное продолжение истории.

– По наговору секретного агента из сокамерников профессора поместили в подвалы в одиночную камеру. Там было всего три камеры, и по сторонам от него в соседних казематах арестанты общались с помощью перестукивания. Он изучил этот способ общения и стал перестукиваться то с одним, то с другим соседом. Выяснилось, что говорить запрещено, и наказание бывает незамедлительным. Они рассказали, что сюда помещают самых опасных преступников, которые сидят по одному, и то, что живым отсюда никто не выходит. За любое замечание наказывают ужасным методом: закутывают в пелёнки на десять дней. Человек остаётся без движения. Всё это время ему дают только воду и кусок хлеба на весь день. Как одолжение давали вкусить вкус хлеба, а после сделать несколько глотков воды. Тело затекает полностью, и человек умирает. Поэтому максимум, что возможно – это общаться способом тихого перестукивания, но если конвоир заметит, то и этого достаточно, чтобы оказаться в пелёнках.

Послушав соседа, который справа, профессор узнал о его способе выжить. Он был один раз в пелёнках и рассказал соседям об этом, но ему не поверили. Никто из них не выжил. Профессор был неординарным человеком и воспринял достоверно рассказ. Суть в том, что оказавшись в пелёнках, тот арестант силой мысли умертвил своё тело. Мысленно «внутренним взглядом» он отключал своё тело, начиная от мизинца на ноге и выше. Оставалось только пятно живой энергии вокруг сердца и мозга. И когда это удалось, он покинул своё тело, путешествовал за пределами тюрьмы, наблюдая сверху. Вернувшись, он постепенно оживил «внутренним мысленным взором» все функции жизни и нашёл себя живым. Даже конвоиры пребывали в изумлении от этого.

Другой собеседник из соседней камеры с помощью перестукивания сообщил профессору, что всё сказанное – это бред, он не верит тому, что вообще возможно выйти из своего тела. Увлёкшись спором на эту тему, арестанты забылись.

Стражи порядка ворвались во все камеры одновременно и после жестоких избиений всех закатали в пелёнки. Профессор вспомнил недавний рассказ, но что всё так ужасно на самом деле он смог понять только теперь. Даже сделать полный вдох грудью было невозможно. Тело нестерпимо ныло от тугих повязок. Прошло два дня, и силы угасали. Затем на третий день профессор сделал то, что по рассказу соседа из камеры справа спасло ему жизнь. По своему умирающему телу он прошёл «внутренним взором» и отключил биение пульса жизни своей волей. Вскоре он увидел себя в пелёнках, лежащим на полу камеры, а сам в невесомом состоянии направился в путешествие. Он оказывался в иных временах и был уверен, что это было с ним когда-то. Через десять суток его распеленали и обнаружили, что он жив. Двое других арестантов были отправлены в крематорий, будучи мёртвыми. Опыт, который удался, убедил в ограниченности науки.

– Только здесь за каменными толщами стен этого подземелья я познал истинную силу духа над телом человека.

В этом страшном месте, где жизнь человека была сплошными мучениями, этот профессор ликовал! Он торжественно осознал, что как никогда ОН СВОБОДЕН!!!

Слёзы наполнили глаза Мурада. Веки как берега озера сдерживали их в своих пределах. Светлана молчала. Когда Мурад посмотрел на неё, она беззвучно плакала. Её слезы были понятны ему. Они думали одинаково в эти минуты – человек может многое, когда он СВОБОДЕН.

Мурад уверовал

Через несколько дней путём проведённых сеансов под руководством Виктора Сергеевича, Мурад вспомнил всё, что с ним происходило, картина всей его жизни обрела очертания. Он смотрел на пейзажи морской стихии, висящие на стене, и ему стала видеться вся суть силы природы, которую прежде он не осознавал. Он постоянно силой своей мысли «запускал двигатель жизни» в своём теле, и ему это удалось...

Светлана, делая массаж, увидела, что его суставы стали реагировать на её прикосновения. Глеб Прокопович вместе с Виктором Сергеевичем предвосхищали скорое полное выздоровление своего пациента.

Светлана находилась круглосуточно рядом с ним. Вставать ему пока не разрешалось, опасались непредвиденных реакций. Питание усилили, и Мурад с каждым мгновением чувствовал прибывающую силу в своём теле. У них со Светланой вспыхнуло чувство притяжения, как это бывает между мужчиной и женщиной, когда они доверяют друг другу, позволяя прикасаться. Мурад начал сам о себе заботиться, но всегда находил возможность быть близким со Светланой без наблюдения чужих глаз. Глеб Прокопович с Виктором Сергеевичем, конечно, догадывались о вспыхнувшей страсти Мурада и медсестры, мудро полагая, что это хорошая часть терапии для возвращения жизненных функций, не нарушали их радости от совместной любви.

Мурад поверил в Чудеса Бога и силы небесные, но одно любопытство оказалось сильнее его. Он хотел попробовать «выходи возвращение в тело». Научно это не обосновать, но он верил и знал, что такое достижимо. Вечером, когда Светлана уснула на своей раскладной кушетке, он решил сходить в неизвестность. Долго смотрел на картину с морскими волнами и, войдя в состояние умиротворения, начал вхождение в транс.

Познание духа

Ему быстро удалось выйти за пределы тела, и он удивился своим новым способностям. Поток невидимой энергии будто втягивал его в какую-то воронку, и он оказался в замке в одеждах богатого господина с перстнями на руках. Это был он за много веков до настоящего момента. В том времени он очень отличался своим нравом. Развлекался с женщинами своих подданных и вёл праздную жизнь. Ему подсказывал внутренний голос, что это неправильно, и он увидел в каких разных воплощениях и ипостасях пребывает его душа, перерождаясь. Он знал, что необходимо постараться изменить себя в этой прошлой жизни. Перестать быть кровожадным и пошлым богатеём, и, возможно, тогда будущее поменяет своё воплощение. Меньше страданий выпадет на его долю. Прислуга совсем не узнавала своего господина. Всегда страшилась смотреть ему в глаза, а с некоторых пор он шёл на уступки и миловал многих, чего прежде совсем не случалось. Люди того времени были ближе к магическим пониманиям, и множество обиженных от всемогущества господина объединились в круг заговорщиков и решили пока он «не в себе» загубить очарованного господина.

– Пока он раздаёт свои милости направо и налево, совсем утратил бдительность. Если сейчас его не изживём, тогда другой возможности может и не быть, – говорили опытные заговорщики между собой.

Только верная Земфира оберегала от надвигающейся беды, но господин, увлечённый «добрыми делами», совсем не слушал её подсказок о безопасности. «Обновлённый господин» приблизил к себе самых подлых лицемеров, наивно полагая, что его добрые помыслы разделяют и другие. Одна из рабынь, к услугам которой часто прибегал господин, согласилась подмешать яд в его еду. Правитель совсем перестал пить вино, и все дни проводил в молитвах и подаяниях нищим. Однажды, построив коварный план, этой девушке удалось проникнуть

туда, где готовили пищу. Сказав, что господин зовёт всех к себе, она, оставшись одна, добавила смертельное зелье в еду, которая предназначалась господину. Умиротворённый и довольный количеством добрых дел, благодетель уселся за большой накрытый разными яствами стол.

Чувство удушья и боль в животе толкнули его в крошечную тьму. Вспышка света, последнее, что видел Мурад в том перевоплощении.

Он оказался в палате, хорошо ему знакомой в нашем времени. Противоречивые чувства в его душе заставляли его скорее вернуться в тело. В эти самые секунды воздух в палате начал плавиться, и крутящийся поток проник в его тело. Он отчётливо видел, как его глаза открылись, и он разговаривает со Светланой, которая подошла к нему и прильнула в объятия. Он на всё смотрел сверху, и чувство возмущения преобладало в нём. Мурад пытался криком привлечь внимание Светланы, но она увлечённая любовной игрой совсем не была готова отвлекаться на что-то ещё. Воздух стал плавиться, пространство заполняло свечение, возникающее изнутри исходящих потоков, и Мурада втянула воронка пространства. Вспышки света мелькали с невероятной скоростью, и он оказался в замке.

Земфира отпаивала его снадобьем, протягивая чашу за чашей. Нестерпимая боль скручивала живот, и только после опустошения желудка Мурад почувствовал облегчение.

– Говорила тебе, добрыми делами одна дорога в могилу раньше времени. Хорошо, что я от своих предков наделена знаниями исцеления. Подпустил эту гадюку к себе, довольствуясь её ласками.

Преданная Земфира уложила господина на ложе, и Мурад ощутил приятную мягкость уютной постели.

– Всем отрубили головы, кто причастен к заговору, – говорила Земфира, – стража, испугавшись твоей немилости, привела приговор сразу к исполнению, а эту змеюку разрубили на куски и бросили собакам, её голову, насаженную на копьё, выставили на всеобщее обозрение на площади.

Мурад лежал, слушая Земфиру, которая обвивала его своим стройным телом, нежно шепча на ухо ему:

– Покажешь им теперь, как желать дурное в отношении своего господина, всех будешь держать в страхе больше прежнего.

Тело Зефиры призывно изгибалось, и Мурад прижал её к себе.

Приглушённый свет горящих светильников наполнял тёплым освещением пространство сводов комнаты. Мурад смотрел в глаза Земфиры, они были наполнены зелёным светом, идущим из неё.

Утром Светлана вся светилась, и улыбка томная не сходила с её лица.

– Ты что такая счастливая? – спросил Мурад.

– Ты всю ночь необузданной своей страстью меня донимал. Будто и не было вовсе в тебе никогда слабости. Ты ведь столько пережил, а после вчерашнего я тебя не узнаю.

Светлана принесла завтрак и стала поглаживать руку Мурада.

– Пальцы ухоженные, а я не помню, чтобы тебе стригла ногти. Совсем вскружил мне голову, что забываю многое.

– Ладно, займись лучше своими делами, а не чеши языком, нам многое надо обсудить. Тебе мне рассказывать придётся всё, что спрошу.

Удивительную силу власти почувствовала девушка, исходящую от Мурада.

– Такой ты мне больше нравишься, – покорно проговорила она.

Мурад знал, что надо делать и как следует поступать. Все решения приходили спонтанно, он точно знал, что нужно сделать. К вечеру после общения с Глебом Прокоповичем он разрабатывал план своего удаления из этой ненавистной атмосферы палаты.

– Нужно получить ответы на многие вопросы, – решительно подумал он.

Прилив сил и волевая одержимость – новые стимулы, которые подталкивали его к действиям.

– Лучше гор могут быть только горы, на которых никто не бывал. . . . , – раздавались слова песни из кассетного магнитофона.

– Вот в горы и поеду, тянет неудержимо в родные края, – с сарказмом подумал новый Мурад. – Где раздобыть денег на дорогу и найти документы? – основные вопросы, на которые не было ответов у него.

Светлана, заметив перемены в его поведении, стала испытывать страх от воздействия, которое он оказывал на неё.

– Мне нужно убираться отсюда немедленно, ты поняла, что я говорю?

Она как мышонок при виде удава хлопала своими ресницами и покорно отвечала на все его вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.